

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 7

1990

Галина КУЛИКОВСКАЯ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

**ПРАВДА
О ПРОФЕССОРЕ ЮДИНЕ**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 7

Издается с 1925 года

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ПРАВДА
О ПРОФЕССОРЕ
ЮДИНЕ

ОЧЕРКИ

Москва, издательство «ПРАВДА»
1990

Галина КУЛИКОВСКАЯ

В новой книге корреспондента «Огонька» лауреата премии Союза журналистов СССР Галины Куликовской раскрыты неизвестные трагические страницы из жизни знаменитого хирурга академика С. С. Юдина, ставшего жертвой сталинской репрессии в 1948 году. Сложно складывалась судьба и профессора Ю. М. Левина, испытавшего на себе воздействие переломных этапов истории современности.

В библиотеке «Огонек» ранее уже выходили очерки Галины Куликовской, в которых рассказывалось о достижениях советских медиков. Автору принадлежит также недавно вышедшая книга «Врачи и лазеры».

ПРАВДА О ПРОФЕССОРЕ ЮДИНЕ

Сергей Сергеевич Юдин... Человек, благодаря которому Московский институт имени Склифосовского еще в тридцатых, сороковых годах превратился в хирургическую Мекку. Сюда, чтоб посмотреть на его работу, работу художника-хирурга, простую, как кто-то однажды выразился, до гениальности и гениальную до простоты, стремились знаменитейшие мастера рукодействия Европы и Америки. И не только коллеги. «Что за чудесный день сегодня! — восклицал Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора. — Я увидел операции волшебства... Какое величие кроется в идее, что еще живущая кровь мертвого человека переливается еще живому, страдающему по ней!»

Профессора Юдина мечтали видеть своим гостем лучшие клиники мира. «Я храню горячее желание и надежду, что вы посетите нашу страну... и тогда, когда вы приедете, вы сможете занять мое место в качестве главного хирурга в Питер Бент Бригхам больнице... Многие из наиболее знаменитых передовых хирургов занимали этот пост... на время. Тем самым вы добавите свое знаменитое имя к тем, которые уже значатся в этом списке», — писал профессор хирургии Гарвардского университета Эллист К. Кетлер Юдину в апреле 1946 года.

Однако ни в том году, ни в последующих Юдин так и не смог воспользоваться столь лестным приглашением: Юдина постигла участь лучших талантливых умов Отечества, ставших жертвами сталинизма. Об этом до недавнего времени, как о чем-то якобы компрометирующем знаменитого хирурга, умалчивали его биографы. Ни слова о трагедии, разыгравшейся в 1948 году, в многочисленных эссе писателей, философов, социологов, ему посвященных и опубликованных в более поздние годы...

22 декабря 1948 года. В тот день в Большом театре шел «Борис Годунов» и он не мог отказать себе в удовольствии послушать свою любимую оперу. Друзья, видевшие, как с каждым часом сгущаются над ним грозные тучи, советовали: «Домой не возвращайся». Но он, конечно, не прислушался: «Глупости все это! Я ни в чем не виноват. Моя совесть чиста». Дома, поменяв чай, он все еще был под впечатлением музыки и блистательно исполненных арий, ведь пели Максакова и Пирогов, ко-

гда зазвонил телефон. Министр — а им был тогда Е. И. Смирнов — не мог не знать, в какую западню толкает этого слишком самоуверенного, по его мнению, знающего себе цену хирурга, — спрашивал: не мог ли бы он, Юдин, проконсультировать сейчас одно высокопоставленное лицо? Добавил, что машина за ним уже послана.

Юдин и на этот раз не увидел в этом ничего необыкновенного: привык к поздним и ночным вызовам. Он не успел и чаю допить, как в дверь уже звонили. Не переодевая костюма, как был, набросил на плечи пальто и, забыв о шарфе, спустился вниз. Забыл при этом даже свои очки, без которых он, как человек близорукий, не хирург...

У подъезда во дворе уже стояла машина. Черная.

Н. В. Хорошко, работавшая в институте хирургом. Это было страшное время. Тогда объявили буржуазной лженаукой кибернетику, «запретили» генетику, уволили, изгнали из институтов и университетов сотни ученых. Следом громили группу театральных критиков, обвиняя их во враждебном безродном космополитизме... Нервы были у всех на пределе. В ту роковую ночь я была ответственной дежурной во 2-й клинике. Тяжелые послеоперационные больные. Ни одной свободной минуты. И все же не могла не обратить внимания на то, что весь верхний этаж зелененького дома, в котором жили и Юдины, ярко освещен. Подумалось, что, вероятно, Виноградовы, которые получили недавно ордер на новую квартиру, готовятся к переезду. Только под утро Нюша, наша санитарка, разузнала, что Сергей Сергеевич арестован. И добавила: «Говорят, что он шпион, собирается в Англию улететь, что самолет стоял уже наготове».

Для меня, для моего мужа это было горе несказанное, непоправимое. Дмитрий Алексеевич Арапов — ученик Юдина, и я тоже ученица Сергея Сергеевича. Мы оба очень любили его. А я его просто обожала. Женщин-хирургов он называл рыцарями хирургии. С Юдиными у нас уже давно установились добрые отношения. Сергей Сергеевич был крестным отцом нашей дочери. Сам своими руками сделал из золотой пластины, выпрошенной у Наталии Владимировны, крестик и выбил на нем имя дочери — «Света». Ведь он умел все делать своими необыкновенными руками, даже вышивал когда-то. Именно так воспитывались в семье Юдиных все дети: в уважении к любому труду, к человеку любого труда. Он запросто мог поцеловать простой нянечке руку, если она того заслужила, что очень корбило кое-кого в институте. И вдруг — он шпион? Чудовищно и нелепо! Ведь, кажется, совсем недавно, в том сорок восьмом, мы поздравляли его с присуждением второй сталинской премии и список новых лауреатов был опубликован в июне, правда, вручения еще не состоялось.

Уходя с дежурства, я столкнулась у ворот с Наталией Владимировной Юдиной. Бросилась к ней. Она остановила меня жестом: «Вы не боитесь ко мне подходить?..»

Из протокола от 23 декабря 1948 года, подписанного женой арестованного Юдиной и дежурным комендантом Самерхановым.

«Изъято для доставления в МГБ следующее: (в том числе)

29. Шпага.

30. Патроны. Ружья. Финский нож. Охотничьи принадлежности.

34. Мантия английского королевского хирургического общества.

35. Мантия американского хирургического общества.

36. Знак ученого достоинства Сорбонны.

45. Плиты медные с памятника Блюхера.

47. Письма английского посла в Москве М. Керра.

48. Листовка партии кадетов.

49. Листовки партии народной свободы.

50. Листовка «Объединения русского народа».

56. Манифест к Всероссийскому крестьянству ЦК эсеров.

57. Газета «Известия» со статьей Радека.

58. Брошюра Юдина «В гостях у американских хирургов».

59. Личные воспоминания.

На другой день все уже узнали, что арестована и Мария Петровна Голикова, которую все запросто звали Мариной, операционная медсестра, ближайшая помощница Юдина не только во время операции. Эта энергичная, умная женщина вела его деловую переписку, отвечала на письма, фотографировала больных, могла сесть при случае за руль «Хорьха», его автомобиля. Вместе с главным хирургом института, каким был Юдин, выезжала в составе бригад хирургов на фронт. Была награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны.

Е. В. Потемкина, профессор, доктор медицинских наук, дочь хирургической медсестры М. П. Голиковой. Я была тогда студенткой. Мы жили на Каланчевке, в угловом доме, который был напротив гостиницы «Ленинград». Коммуналка. В квартире восемнадцать комнат. В одной из них мы: мама, папа и я. В ноябре к нам пришли каких-то два молодых человека. Говорили про каких-то грабителей, которых якобы ищут. Что будет устроена засада. 21 декабря был день рождения Сталина, а в ночь с 22 на 23-е стук в дверь. На пороге Хомутов, дворник. За ним милиционеры. Якобы проверка документов. А маме сразу предъявили ордер на арест. «Одевайтесь!» Она собиралась медленно. Наденет одно, потом меняет на другое. Тянула время и повторяла, что это — недоразумение. Очень не хотелось ей уходить. На прощанье поцеловала нас, и ее увели. Начался обыск. Перевернули все вверх дном. На полу

лежала старая шкура барса. На всякий случай разложили его голову. Все искали. А что? И «нашли»: «Экономику переходного периода» к тому времени уже расстрелянного Бухарина, сочинения Мережковского, Пишбишевского, «Ад» Данте с дарственной надписью Сергея Сергеевича, «По ту сторону добра и зла» и «Заратустру» Ницше. Забрали наши жалкие драгоценности — кольца и часы из «желтого металла». Все описали. Обыск продолжался до пяти часов дня. Когда меня наконец выпустили, я в полном недоумении и негодовании побежала за защитой к Юдиным. Звоню — за дверью мертвая тишина. Там, оказывается, все еще продолжался обыск. Даже стены выстукивали. Разгром в квартире был полный. Я сразу же налетела на майора госбезопасности, впустившего меня: «как вы можете так поступать с человеком, который спас тысячи жизней?!» «Мы знаем, как он оперировал: выпускал кишки». «А кто вы такая? Документы!» — сурово спросил полковник, стоявший на кухне, залитой ослепительным светом. Назвалась и услышала угрожающее: «Еще неизвестно, удастся ли вам закончить институт при таком настроении». Это означало, что все всерьез, что это не «недоразумение».

Почти целый год мы с отцом ничего не знали о маме. Бегали навредить справки на Кузнецкий мост и слыхали неизменное: она под следствием. О Сергее Сергеевиче тоже ничего не было известно. Наконец 6 ноября вечером нам позвонили и сообщили, что Голикова будет отправлена по этапу и можно принести в Бутырку теплые вещи. Мы пришли девятого, решили, что не погонят же их в праздник, но мамы уже не было. Как я потом проклинала себя: ведь она ушла тогда в жакетике, ботиках и шляпе. В дороге тяжело заболела воспалением легких.

Какого же характера обвинения выдвигались профессору и медицинской сестре? На официальный запрос редакции предоставить возможность ознакомиться с материалами следствия, протоколами и личными делами заключенных последовал отказ. Правда, по телефону была такая информация: еще с довоенных лет Юдин поддерживал знакомство с английскими и французскими послами. Его не пускали в поездки за границу, и он высказывал по этому поводу свое недовольство. Мог передавать по его мнению безобидную, но для других стран имеющую значение информацию...

Но все же встреча с представителем пресс-бюро КГБ состоялась. Было подтверждено, что ордер на арест был выдан по подозрению в шпионаже в пользу английской разведки. В клинике бывал посол и присутствовал на операции. Юдин познакомился с корреспондентом английской газеты, передавал, и он от этого не отказывался, материалы по своей хирургической практике, в частности по использованию трупной крови, что и было поставлено ему в вину. Все это вызывало подозрение, ведь Юдин встречался с маршалами Жуковым и Вороновым... Однако явных доказательств о шпионаже не было. Тем не менее по решению особого совещания, без суда, был выслан в Новосибирскую область на десять лет.

Что же касается Голиковой, то она его ближайшая помощница, могла многое знать, да и вела себя слишком заносчиво, за что и поплатилась... «Кстати, — уточнили, — она из кулацкой семьи, да и Юдин из социально чуждого класса, из буржуазии, его братья занимались торговлей...»

О том же, как велось следствие и какими методами, можно судить по характеру жалобы, которую осужденная по статье 58.10 Мария Петровна Голикова направляла (и не один раз) Генеральному прокурору СССР.

Из жалобы М. П. Голиковой Генеральному прокурору СССР от 15 июня 1952 года.

«23 /XII 1948 года я была арестована, а через несколько часов министр ГБ Абакумов мне объявил, что я арестована по делу бывшего профессора С. С. Юдина, который арестован раньше меня и во всех своих антисоветских преступлениях признался. На вопрос, знаю ли я его деятельность, я заявила: «Да, я его жизнь знаю, как свою, и расскажу все, что знаю». В первую же ночь на следствии начальник следственной части по особо важным делам полковник Комаров применил весь русский мат и заявил, что все мои показания ерунда, а если я не буду рассказывать о преступной деятельности Юдина, то меня будут пороть резиновыми палками, посадят в тюрьму мою дочь и мужа — жида (он русский), — и прочие угрозы и страшные обещания, которые он мог обещать заключенной. Прошло несколько суток в кабинете следователя и абсолютно без сна в камере. Мои рассказы ни к чему не приводили, потому что я никогда не знала и не слышала ни о каких-либо преступлениях, проработавши с Юдиным 16 лет. Но угрозы не прекращались, силы терялись, а страх усиливался. Первый протокол, написанный и сочиненный следователем Ивановым. Но то, что там написано, этого никогда не было. Никогда!

После карцера, матерщины, галлюцинаций, которые меня преследовали, я решила давать вымышленные показания. Другого выхода у меня не было. Я спасала мою единственную дочь. Протоколы подписывала, в которых следователь «заострял» углы, и этим усугублял суть дела, а на малейшее мое возражение я слышала одно и то же: «Что ж, опять в карцер пойдете!»

Давая такие показания, я верила, что разберутся и поймут всю нелепость и страшный бред. Через 11 месяцев мне зачитали приговор и полураздетую, с параличом лицевого нерва, отправили в спецлагерь Северного Казахстана Карагандинской области*.

Там продержали один год и десять месяцев. 4 октября спецконвой меня доставил в центральную тюрьму Москвы в качестве свидетеля. Многое переделали, «исправили», но остались те же запугивания и обещания отправить в карцер. Страх меня не покидал, и я не могла отойти от того страшного вымысла и, так как мне и теперь не верили, что я ничего не знаю, доказать не могла и даже на очной ставке после предвари-

тельной репетиции я подтвердила никогда не существовавшие факты. Надежда на то, что разберутся, меня не покидала.

В тюрьме я об этом писала два раза министру ГБ и один раз прокурору. Прокурор генерал Китаев вызвал меня на пять минут, сказал, что он посоветуется; если не успеет меня вызвать, то сообщит решение на места, где я буду.

Во внутренней тюрьме я просидела до 10.IV, писала опять прокурору, просила следователя вызвать меня на допрос, но никто меня не вызвал, а вскоре перевезли в Бутырскую тюрьму и 14.V. зачитали опять решение особого совещания — заменить 8 лет 5 годами. Дело пересмотрели без меня, и все клеветническое, вызванное насилием, осталось.

Я не нахожу себе оправдания за то, что не выдержала испытаний. Но я мать, которая ради единственной дочери, студентки V курса и ныне уже хирурга, сама мать и жена уже, я шла на такое тяжкое преступление, давая вымышленные показания на человека, от которого я никогда ничего антисоветского не слыхала. Участвуя во всех его научных работах и проводя все сложнейшие операции на фронте и в Москве в течение 16 лет, я считала своим долгом помогать, насколько хватало моих сил и небольших знаний, принимая за великую честь помогать ему в работах, которые поощрялись правительством... Очень прошу разобратся в столь сложной истории и дать свои выводы.

Эта пространная жалоба М. П. Голиковой, написанная в Молотовском лагере, где она пробыла до объявления амнистии в апреле 1953 года, дает возможность судить о том, как велось следствие.

Грубые нарушения законности тяжело отразились на здоровье С. С. Юдина. В одном из своих высказываний через несколько лет, общая о своих научных планах, он писал: «Не сочтите это (планы. — Г. К.) за старческую болтливость. До этого еще не дошло, хотя, конечно, за эти т р у д н ы е (курсив мой. — Г. К.) годы я не помолодел. Лишь бы не подвел центральный мотор, который еще раз сильно грозился остановкой в начале января 1949 г. «То есть всего через пару недель после ареста. Первый инфаркт был на пороге сорок второго, когда он категорически отказался покинуть Москву и институт, начальство которого сбежало, и продолжал оперировать раненых. Кое-кого это наводило на странные размышления: «Враг близко, все уезжают... А он остается. Почему? Уж не собирается ли перебежать к немцам?..»

А Юдин работал под бомбежками. Бухали зенитки, рвались фугаски, и на Колхозную площадь везли пострадавших. Кстати, именно тогда в пред- и послеинфарктном состоянии он написал, в частности, свой труд о применении сульфамидов при огнестрельном ранении. Для экономии драгоценного препарата даже изобрел специальный распылитель. А операционный стол, им разработанный? В те самые дни родилась и тоненькая его брошюра «Как снизить послеоперационную смертность у раненых в живот», и работа «О лечении огнестрельных переломов конечностей». Предисловие к последней он, никогда не считавший себя

поэтом, но в душе всегда истинный поэт, неожиданно закончил оптимистическим четверостишием:

Тяжелый путь... Но близок час рассвета.
И солнца луч зарделся в облаках,
Его лучом живительным согрета,
Проснется жизнь и тьму рассеет в прах...

В самые трудные ночи и дни войны он верил в победу и стремился передать эту веру людям.

Труды Юдина становились настольным пособием для фронтовых госпиталей и полевых хирургов.

Продолжал работать, то есть писать, Юдин и в одиночной камере на Лубянке, и в Лефортово. Даже тогда, когда не давали ему спать и, лишая воды, заставляли подписывать протоколы. Так, в муках рождались наброски, будущие главы будущей философской книги «Размышления хирурга». Цитаты приводил по памяти. Память у него была феноменальная. Быть может, в одну из тех страшных ночей всплыли строки:

То была тьма без темноты,
то была бездна немоты
без протяженья и границ,
то были образы без лиц,
то страшный мир какой-то был
без неба, света и светил,
без времени, без дней, без лет.
Ни жизнь — ни смерть...

О. И. Виноградова, хирург, ассистировавшая профессору Юдину во время операций. Можно себе представить, как Юдин, человек очень энергичный и деятельный, страдал в тюрьме. Ведь он был лишен возможности даже писать. Не было ни карандаша, ни бумаги. Сергей Сергеевич рассказывал, как однажды, будучи у следователя, не выдержал, и рука невольно потянулась к карандашу, лежащему на столе. Следователь, заметив это движение, саркастически возлордствовал: «Не вам принадлежит эта вещь — не берите». Юдин добывал карандаш ценой голодовки и в конце концов добился его. Каждый день ему приносили газету, и он выбирал кусочки, где больше белого! Писал и на туалетной бумаге, на срыве. Склеивал мякишем. Листик за листиком. Именно в те бесконечно долгие годы в невероятно тяжелых условиях готовил тезисы монографий по вопросам обезбоживания, переливания посмертной крови, хирургии язвенной болезни. Он был уверен, что восстановит правду, и этим жил. Не дремали и его друзья. Хлопотали. Пытались использовать все возможности для быстрее его освобождения.

Хлопотал и он сам. Об этом свидетельствует письмо Юдина, направленное по поводу пересмотра его дела. В нем были такие строки: «Я никогда враждебной деятельностью не занимался. Мое призвание — хирургия, ей посвятил свою жизнь и хотел бы продолжать заниматься ею в оставшееся время»...

Через три года и три месяца отсидки без предъявления обвинений, без найденных доказательств, подтверждающих подозрения, — так и не нашлось улик, — Юдина на всякий случай отправили в ссылку, подальше от Москвы, в Новосибирскую область.

Из писем С. С. Юдина к родным.

«Г. Бердск, у впадения реки Берди в Обь в 35 километрах от Новосибирска, — пояснял он. Почерк размашистый, отчетливый, легко читаемый. — Сюда меня доставили 16-го марта 1952 г. прямо из вагона (мягкого, отдельное купе) по прибытии из Москвы. 12 марта 7 ч. 30 м. утра меня вывели в машине «Победа» из ворот прямо на Кузнецкий мост и прокатили по улицам Москвы по моему выбору, для осмотра высотных зданий. На перроне Казанского вокзала меня ждали Нат. Вл., Сергей и внучка.

Мой домик — справа, с тополем. Два угловых окна на улицу позволяли видеть Обь, протекавшую метрах в ста от дома. Ледоход в 1952 году был очень бурный и продолжался суток трое. Два месяца я с жадностью перечитывал хирургические журналы за 3 1/2 года. Читал часов по 12—14 в сутки».

Последующие письма уже не от руки, напечатаны на машинке, на фирменных бланках института Склифосовского, с милым сердцу силуэтом его корпусов, до которых так было ему сейчас далеко...

«Дорогая сестра Галя!

Спасибо тебе за добрую память, за письма и внимание. Сугубое спасибо и земной поклон тебе за твои родственные заботы и теплое внимание к Наташе в годы ее одиночества. Я никогда этого не забуду и лишь искренне сожалею, что не в силах отплатить тебе тем же, т. е. реально помочь в лечении Федора Ивановича. Ну, что же делать; все мы идем по грани бытия; лишь бы последние остатки были наполнены сознанием не совсем напрасно прожитой жизни. К тебе судьба всегда была неласкова; меня она ударила под конец, но очень тяжело и совершенно незаслуженно. Надеюсь, что еще успею выбиться опять на вершину и написать упущенное.

Здесь, в Новосибирске, меня приняли очень хорошо, даже отлично, учитывая формальное положение мое, как ссыльного. Ведь Облздрав, — несомненно по указаниям не только Западно-сибирского обкома ВКП, но прямо по московским директивам, — приняли меня сразу не только в круг здешней многочисленной врачебной корпорации, но незамедли-

тельно доверили операции женам первейших здешних политических и советских работников...

Разумеется, чисто оперативная деятельность моя пошла тут сразу на самых высоких тонах и все больше и больше развивается. Вчера, например, за одно утро я сделал резекцию желудка при язве, резекцию желудка при раке, искусственный пищевод и, под конец, тотальную гастрэктомию, т. е. полное удаление желудка при раке да еще с прежде наложенным соустьем, что, разумеется, еще более осложняло и без того крупное вмешательство. Слава Богу, до сих пор дела хирургические идут исключительно удачно и популярность моя среди врачей, больных и начальства все возрастает. А это, несомненно, сможет сыграть немалую роль в моей окончательной судьбе.

Не знаю, какова эта моя дальнейшая судьба: то ли мечтать о возвращении в Москву и успешными научными работами прокладывать путь к возвращению. То ли смириться с тем, что и Сибирь — наш родной край, страна исконно русского народа, край неизведанных, но несметных богатств и возможностей. Приложить остаток дней своих для культурного развития этого края — тоже соблазнительная и весьма почетная задача. Наташа тоже весьма склонна мысленно настраиваться на окончательное поселение здесь, в Сибири, поскольку теперь мы вместе, неразлучны, а с пользой дожить свой век везде можно.

Конечно, не сам я буду решать эти вопросы. Ходят разные слухи: одни по секрету говорят, что здешний Медицинский Институт уже давно возбудил ходатайство в Москве (разумеется, все решит МГБ) о зачислении меня в состав медицинского факультета, в котором такая нехватка профессоров и докторов медицины, что Мединститут лишен права присуждать ученые степени, а для защиты диссертаций врачи вынуждены ездить в Томск...

Другая версия, исходящая из весьма авторитетных источников, та, что меня вообще «через три месяца (!)» отзовут обратно в Москву. Этому я, конечно, не верю; гораздо правдоподобней первая версия. Ну, увидим.

Пока же целую тебя и крепко обнимаю, моя дорогая, любимая сестрица. Еще раз низко кланяюсь за твои заботы и любовь к моей Наташе. Мой самый искренний привет Федору Ивановичу.

Твой брат Сергей».

В другом письме, брату, Петру Сергеевичу Юдину, он пишет:
«Дорогой брат Петя!

Спасибо тебе за письмо и добрую память. Я был очень тронут получить от тебя ласковое послание, окончательно рассеявшее во мне всякие тяжелые мысли. Прости меня, если невольно я был в заблуждении относительно истинных твоих чувств и мыслей; в моем бывшем положении это так естественно.

Пишу «бывшем», ибо ныне положение мое круто изменилось и я. безусловно, на пути к полной и окончательной реабилитации. Это было видно и в самый момент моего выхода из заключения, когда Зам-министра при личной аудиенции сказал мне, что «Новосибирский филиал АН СССР сможет возбудить ходатайство о моем возвращении в Москву хотя бы уже через полгода». Это его подлинные слова. Разумеется, я не рассчитываю на их буквальное осуществление, ни на столь короткие сроки. Однако в том учреждении, откуда я выходил, не принято давать особо обнадеживающих посулов и обещаний. Но главное это то, что здесь, в Новосибирске, я был принят не только врачебными кругами, но и в высших руководящих органах самым внимательным образом и с полным радушием. Суди сам: уже через две недели после моего приезда в Бердск я был извещен Заведующим Обл-Здравом Новосибирска, что я буду принят и устроен на работу в ближайшее время. А еще через две недели я уже дебютировал с операцией жене второго секретаря Обкома ВКП; вскоре вслед за тем я оперировал и жену Председателя Обл-Исполкома.

Но не оперативная деятельность составляет мою главную цель и основную задачу. Самой главной гарантией моей полной реабилитации явились бы новые капитальные научные работы, опубликованные в форме монографий и способные послужить основанием для новых Сталинских премий. Таких тем у меня несколько; о восьми крупных проблемах я подавал докладные записки в МГБ, и они-то несомненно и послужили причиной моего освобождения и отправки не в лагерь, а в крупный областной центр. Мне уже фактически разрешено жить и работать в самом Новосибирске. Есть твердые слухи о том, что Мед-Институт уже возбудил ходатайство в Москве о зачислении меня в состав местной профессуры и о получении кафедры. Есть и другие слухи, притом из очень авторитетных источников, о том, что меня вообще скоро отзовут в Москву...

На днях я получил чудесное письмо от Андрея Григорьевича. Он до того обрадован моему освобождению и приезду в Сибирь, что выражает это самым искренним и горячим образом. Недавно я говорил с ним отсюда по телефону; слышимость отличная. Он меня очень убеждает не торопиться о возвращении в Москву, дабы не обидеть новосибирские власти, которые отнеслись ко мне столь внимательно. Сам А. Г. настолько горячий патриот своей Сибири, что он решительно уговаривает меня остаться здесь окончательно и принять участие в культурном развитии этого необъятного, богатейшего и интереснейшего края, могущего стать одной из главных экономических баз для процветания и дальнейшего расцвета всей нашей страны. Ведь хотя об этом нигде еще не пишут, а здесь-то все знают о широко развернувшемся гигантском строительстве Новосибир — ГЭС — плотины высотой 18 метров, перегораживающей Обь тотчас ниже впадения р. Берди; получится огромное «море» и грандиозная гидроэлектростанция; строительство идет полным

ходом, и тут тоже функционируют шагающие экскаваторы. Словом, цветет, невиданно и неслыханно расцветает вся наша страна. Какое счастье видеть все это своими глазами и активно участвовать в этих всемирно-исторических стройках. Савиных приглашает меня «на отстрел и на отлов нового урожая дичи и рыб», ну, целую тебя крепко и желаю всякого счастья. Может быть, еще увидимся.

22.VI.52. С. Юдин»

И. Ю. Юдин, доктор медицинских наук, профессор, племянник С. С. Юдина. Я был уже аспирантом, когда дядю арестовали, и это трагическое событие косвенно отразилось и на мне. Вызывали, расспрашивали, действительно ли я являюсь родственником врага народа. Встал вопрос об отчислении из аспирантуры меня, участника Великой Отечественной войны. Когда она началась, мне и восемнадцати не было. В результате диссертацию защищал только через шесть лет, в 1954-м.

Дядя был человеком, конечно, своеобразным, с нелегким характером, для нашей действительности абсолютно неприемлемым. Да и говорил он то, что думал, и был независим в своих суждениях, не юлил перед чинами. Он, например, после того как стал гостем французского посла, жене которого делал операцию, счел себя обязанным и его пригласить к себе в гости. Позже принимал супругу Черчилля. И в то же время категорически отказался оперировать представителя вражеской страны. Вот как это было. Дяде сообщили, что нужно срочно оперировать какого-то важного генерала. В тот день он очень плохо себя чувствовал, разболелся позвоночник. Дал себя знать застарелый, со времени тяжелой контузии в первую империалистическую, радикулит. Ему даже нагнуться, чтоб надеть ботинки, было трудно, сел в машину прямо в тапочках. По дороге наконец спросил фамилию больного. «Фельдмаршал Паулус? — переспросил удивленно. — Я не буду его оперировать! Я же его прирежу!» И с этими словами остановил машину. Пошел пешком в чем был, в тапочках...

Его приглашали в США сделать доклад о состоянии желудочной хирургии во всем мире. Большая честь. Не разрешили. Назвали другую кандидатуру. А дяде предложили публично отказаться от поездки. Он не согласился, сказал: «Не буду!» Он мог, решив прочесть «Краткий курс истории ВКП(б)», охарактеризовать его только одним словом — «чушь!».

Екатерина Петровна, бабушка, говорила: «Сергей, смотри, тебя посадят. Не посадили Павлова и Станиславского. Остальных всех могут!» Мои дяди сидели. И даже бабушка три недели сидела по доносу соседа, заявившего о том, что у нее бриллианты. Екатерина Петровна не растерялась, принесла следователю книги. «А это что?» — спросил следователь. — «Труды моего сына Сергея Сергеевича Юдина». В войну дядю не решались посадить, зато обидели присвоением воинского звания — все-

го-навсего полковника... Для него это мало. В общем предсказание бабушки сбылось: свое шестидесятилетие Сергей Сергеевич отмечал в тюрьме. Наталия Владимировна испросила разрешения написать ему по этому поводу письмо. Снизойшли, и даже ответ дяди вскоре получила.

Я был у дяди в Новосибирске, куда он наезжал из Бердска, каждый раз получая для этого специальный документ — разрешение. Отвозил по его просьбе «Эрику», пишущую машину и личные вещи. У него был старый громоздкий «Адлер», купленный им в Германии еще в тридцатом году, но он остался в Москве, в его опечатанной квартире. Дядя великолепно печатал все сам — от руки почти никогда не писал, — и печатал сразу набело, у него ведь был прекрасный слог. Жили они с Наталией Владимировной недалеко от театра, в небольшой комнатке, которую снимали. Работал дядя обычным ординатором. Доцент, насколько не стесняясь, делал ему еще замечания, если что-то было записано в истории болезни не так, как тот хотел. Когда шли операции, пробиться было невозможно. Особенно тянулись к нему студенты.

Помнится, в декабре 1952 года, МГБ вызвало Сергея Сергеевича для дачи каких-то показаний в Москву. Он жил в те дни на улице Мархлевского, у своего сына, но не мог воспользоваться этим. Ему очень хотелось пойти в свой любимый театр на «Бориса Годунова» — не разрешили. Нам, родным, нельзя его было навестить. За каждым шагом его следили, он находился под постоянным наблюдением, сопровождали, когда выходил на улицу.

В первых числах декабря умер Алексей Дмитриевич Очкин, известный московский профессор, всю жизнь работавший в Боткинской больнице. Дядя очень расстроился, когда узнал об этом. Ведь они были большими друзьями, компаньоны по охоте, спорту и рыбалке. Сергей Сергеевич запросил разрешение на то, чтобы попрощаться с другом. Дали его не сразу, сказали: «Мы вам ответим». И вскоре разрешили. Он пришел со своей внучкой на Баррикадную, где в помещении ЦИУ состоялась панихида. С повязкой на руке молча постоял у гроба, перекрестил усопшего и, не сказав никому ни слова, пошел к выходу. Узнав его, люди качнулись: «Живой!... «Но от него же ничего не осталось! Скелет, обтянутый кожей!... «Шея как у ребенка!... «А с глазами, с веками что произошло?..»

Когда уезжал в Сибирь, очень многие хотели провожать его. Был составлен целый список. Из всех учеников разрешили прийти на вокзал только Борису Сергеевичу Розанову.

И все же в Москве был еще один человек, с которым, невзирая на запреты и надзор, Юдин встречался, — Елена Потемкина, Аленушка, как он ее ласково называл, дочь Марины Голиковой. Встретились случайно, на Баррикадной, в день панихиды. А потом так же неожиданно на станции метро «Комсомольская», возле коринского панно, посвященного Суворову. И тут уж никто не мог запретить разговаривать. Там и виделись каждый день. Для него это были счастливые минуты, лучики света. Да

и само место встреч согревало сердце. Юдин хорошо знал Павла Корина, был дружен с ним, как и со многими другими живописцами и скульпторами. Кисти Корина принадлежит картина, выполненная им в 1943 году. На ней Юдин изображен в торжественной мантии. Репродукция этой картины много лет спустя была воспроизведена в журнале «Огонек». В кратких строчках, коими Корин сопровождал ее, говорилось, что в те дни, в связи с 75-летием со дня рождения Юдина, на здании Института имени Склифосовского, появилась, наконец, мемориальная доска, ему посвященная...

Ю. М. Левин, профессор, доктор медицинских наук. Я учился на третьем курсе Новосибирского мединститута, проходил практику в больнице Бердска. Как-то меня вызвали к главврачу. Вхожу. У стола сидит Юдин. Сам Юдин! Легендарный хирург, почетный доктор Сорбонны, почетный член Королевского общества хирургов Великобритании, американского, пражского, каталонского и других обществ. Бог полевой и экстренной хирургии. Позже, когда он вернулся в Москву и получил обратно реквизированное у него имущество, он шутивно продемонстрировал нам — гостям из Новосибирска, студентам, которые работали с ним во время «ссылки в Сибирь», — атрибуты международного академического признания. Но тогда, в 1952 году, нас особенно поражал его искусственный пищевод, работы по удалению желудка, переливание трупной крови. Мы им восхищались. Его имя знали во всем медицинском мире. Но появление в Новосибирске вызвало много толков. «Замешан в чем-то страшном. Репрессирован...» А потом пошли круги печальной памяти так называемого «дела» врачей-«убийц».

Увидев мою изумленную физиономию, Юдин засмеялся и без долгих предисловий спросил, согласен ли я принять участие в качестве «гипнотизиста» в задуманной им научной работе «Проверка учения И. П. Павлова на людях». Конечно, я согласился. До этого у меня уже был небольшой опыт использования гипноза у тяжелых больных: под руководством моей мамы — врача-психиатра — я пытался снять побочное действие токсичных противоопухолевых лекарств. Иногда удавалось.

Юдинская тема была на острие животрепещущих проблем того времени. Вся медицина перестраивалась в духе учения И. П. Павлова. Многие кафедры воспроизводили, повторяли его опыты на собаках. А тут проверка на людях! Клиника давала такую возможность. К Юдину поступали больные для операции формирования искусственного пищевода, когда естественный оказывался непроходимым для пищи. Начальный этап заключался в том, что создавали фистулу желудка, через которую вводилась пища. Иначе бы больные погибли от голода. Юдин задумал брать через эту фистулу желудочный и кишечный сок натощак и после внушения под гипнозом различной еды.

Исследования проводились в Новосибирской областной больнице: Юдину разрешили снять в Новосибирске комнату. В Бердск он ездил

раз в месяц отмечаться. Результаты этой работы описаны в его вышедшей посмертно книге «Хирургия язвенной болезни желудка и нейрогуморальная регуляция желудочной секреции у человека». Там же сказано и о нас, участниках этой работы, врачах и студентах. Внесу только некоторые пояснения. В пять часов утра, как там написано, мы начинали работу не столько потому, что нам была нужна полная тишина, сколько для того, чтобы по возможности избежать ненужных встреч. Не знаю, были ли предупреждены другие участники работы о риске, которому мы себя подвергаем, контактируя с репрессированным академиком, а я такое предупреждение получал дважды. Особенно запомнилась взбучка от дружески расположенного к нашей семье секретаря парткома института, доцента Золотарева: «Ты что, спятил? Хочешь сам сесть и мать посадить?» Но мы все же довели нашу работу до конца.

Юдина многие сторонились. Ректор института боялся его принять. Только те, кто не знает обстановки тех лет, могут осудить за это. Что Юдину приписывалось — никто не знал. В том числе не знали приехавшие жена Сергея Сергеевича — Наталия Владимировна, сын — тоже Сергей Сергеевич, а проще — Сережа и жена сына — Тося. А может быть, знали, но, как и он, не могли сказать. Только спустя многие годы, уже после смерти Сергея Сергеевича, Наталия Владимировна высказывала обиду на одного из бывших учеников Юдина.

Работал Юдин неистово, превозмогая приступы сердечной боли. Иногда, прервав на несколько секунд операцию, просил накапать нитроглицерин на кусочек сахара и положить ему в рот.

Сейчас Юдина называли бы экстрасенсом. Пробежав, почти не касаясь живота больного, своими змееподобными пальцами, он ставил диагноз, который всегда подтверждался на операции. Посмотреть, как он оперирует, приходили толпы врачей и студентов. Это доставляло ему радость, которую он и не скрывал. Согласованность действий с операционной сестрой была удивительной. У меня сохранился снимок его реакции, когда она ошиблась и подала ему не тот инструмент: возмущение такое, будто случилось что-то непоправимое. В Новосибирске ему пришлось заказать специальные «проводники» собственной конструкции. С их помощью он проводил под кожей петлю кишки при пластике пищевода. Надо было видеть, как бережно он их хранил!

Он любил и умел учить, собрав нас, трех-четырех студентов, он читал лекции по хирургии, ставил нас за операционный стол, давал домашние задания. Сердился, когда мы их не выполняли.

О Сергее Сергеевиче можно говорить бесконечно. Запомнилось, как он, ворвавшись в комнату, где сидели студенты, почти закричал: «Скорее бросайте все — на Оби ледоход начался! Пошли смотреть, пока не стемнело». И как он был счастлив, когда к нему приехал замечательный латвийский хирург П. Страдынь! А потом сказал: «Вот не побоялся, приехал»... У меня сохранилась фотография Юдина со Страдынем во время их поездки на катере по Оби.

Стыдно сознаться, но в годы студенчества я свято поверил в зло, нанесенное менделестами-морганистами, и добро, которое несет учение Лысенко, читал его «Агробиологию». Увидев у меня эту книгу, Сергей Сергеевич попросил ее на время. Его реакция от знакомства с ней была ошеломляющей. «Это, Юра, документ величайшей в истории трагедии русской науки». Тогда эти слова показались мне кощунственными и запали в душу дословно, заставили задуматься. Они опровергали все, чему учили нас, о чем писали газеты и говорилось по радио...

Помню, как нервничал Сергей Сергеевич, отправляя сына с рукописью, в которой излагалась проделанная им работа, в Москву. Он боялся, что Сережу задержат, рукопись отберут и она не дойдет до Сталина. Был подготовлен «резервный вариант» рукописи. Ее должен был отвезти в Москву мой знакомый, не «скомпрометированный» связью с Юдиным. Но Сережа доехал благополучно, и, кажется, через Ворошилова, рукопись попала по назначению. «Резервный вариант» хранится у меня до сих пор.

Однако Юдин предусмотрительно предпринимал и другие ходы, о которых не мог знать студент Юрий Левин.

«Я переслал два полных комплекта альбомов и докладных записок — один в ЦК партии на имя А. А. Жданова, а второй — Е. И. Смирнову для переправки в Президиум АМН, не зная, что как раз в эти дни он был отрешен от заведования министерством...» — сообщал Юдин в одном из своих писем А. Г. Савиных, хранящихся в Томском областном архиве и недавно опубликованных в «Медицинской газете». И далее: «При телефонном разговоре с Москвой я узнал от моего сына, что, по некоторым данным, труды эти получили хорошую оценку, в том числе и академика К. М. Быкова. Мне трудно загадывать, как отнесется он персонально к оценке моих работ (не по деловому, т. е. по научному их значению, а учитывая особенности моего теперешнего положения). Ведь со времени моего выхода на свободу мне пришлось видеть ярчайшие примеры самого противоположного свойства.

В то время как очень многие партийцы проявляли по отношению ко мне максимум внимания и сочувствия, мне пришлось пережить острейшее горе и обиду, видя равнодушие и трусость нескольких наиболее мне близких, самых долголетних и наиболее мне лично обязанных ассистентов.

Я, разумеется, не слишком осуждаю людей за их сверхбдительность, выражавшуюся лишь в том, что они избегают мне писать и со мной встречаться, точно так же трудно осуждать людей за то, что они по своей природе трусоваты — уж какие есть!

Зато мне очень трудно загадывать, как выскажутся те из ученых, которым будут переданы труды мои, будь то из Министерства здравоохранения или ЦК КПСС.

Но если Вы как хирург напишете Н. Н. Аничкову или К. М. Быкову и попросите их выручить меня, ссылаясь на мою хирургическую цен-

ность, то именно мнение хирурга должно сыграть особо большую роль в решении дела. Точно так же Вы могли бы написать и Андрею Федоровичу Третьякову, как только станет известно о его назначении министром СССР».

Академик Быков, как известно, ознакомившись с новосибирской работой Юдина о путях желудочной связи с корой больших полушарий и путях проведения гипноза, дал Третьякову самую высокую оценку.

Как реагировал Сталин на бесценную бандероль из Новосибирска, дошли ли до него другие варианты и прислушался ли он к мнению авторитетных друзей Юдина — неизвестно. Очевидно иное: академик Юдин был полностью реабилитирован и восстановлен во всех своих званиях и регалиях и возвратился в Москву только после смерти Сталина, и не сразу, а летом 1953 года.

М. П. Голикова была освобождена в связи с Указом об амнистии ранее, в апреле 1953 года. Но официальную справку о том, что ее дело «прекращено за отсутствием состава преступления», — эта справка ей понадобилась при хлопотах о предоставлении квартиры, — получила из Прокуратуры СССР только в 1957 году...

М. П. Голикова, хирургическая медсестра. Из ее письма от 5 августа 1953 года к дочери, Е. В. Потемкиной, работавшей по окончании института в одной из больниц г. Челябинска.

«На аздороме С. С. встретила целая группа врачей, примерно ты знаешь, кто — Симонян и пр. Вечером все собрались у Цуриновой и ничего не нашли лучшего, как передавать всю мерзость и гадость, которая была в его отсутствие. Он сразу сказал: «Я возвращаюсь не для того, чтобы устраивать разгоны и сводить счеты, и тем более не для того, чтобы реагировать на всякого рода сплетни и слухи, а возвращаюсь в свой родной институт для того, чтобы работать». На следующий день его вызвали в Горздрав и предложили получить приказ на занятие должности заведующего первой клиникой, то есть на место ушедшего Розанова. Он наотрез отказался. А его друг, министр Третьяков, заявил, что институт в ведении Горздрава и он не может распоряжаться его кадрами. Мы все были в страшном волнении. Думали, что все исходит оттуда, откуда мы вернулись. Но через день С. С. вызвал Яснов, предгорисполкома, предложил указать район, где он бы желал получить квартиру. С. С. ответил, что, пока он не получит работу, он не может ответить на этот вопрос. Яснов удивленно спросил: «Разве вы не в институте?» С. С. все рассказал. На что Яснов заметил: «Горздрав распоряжается врачами, а профессорами и академиками до сегодняшнего дня распоряжался министр. Если он не получил директив в отношении вас вчера, то он получит их сегодня». Когда вернулся домой, его уже ждала записка о том, что просил позвонить зам. министра ВД. Его приглашали в главное здание МВД, номер подвезда. Там ему вручили диплом о Сталинской премии и вторую медаль лауреата. На вопрос, есть ли у него какие претензии, он ответил, что нет, а на вопрос, как встретили в институте, отве-

тил, что там еще не был и что, может быть, и не пойдет. Зам тут же позвонил Третьякову, и министр сказал, что все в порядке и он ждет Юдина. Кончилось тем, что был дан приказ, по которому Юдин полностью был восстановлен в должности главного хирурга института, заместителя директора по научно-исследовательской части и директора первой клиники. А Петрову предстояло вернуться на прежнюю должность заведующего 2-й хирургической клиникой, и все. Ты представляешь, что только не предпринимал Петров в эти дни! Какие кампании не проводил для этого, дошел до того, что сам написал о себе статью и отправил ее в редакцию... Напечатали ее в другой газете без подписи. Через три дня Петров уехал в отпуск, на Кавказ.

За все эти дни я столько выстрадала, столько пережила! Дошла до того, что каждый шаг по коридору меня пугал, заставляя содрогаться.

В институте Юдина встретили все по-разному. Два дня сторонились, а потом поверили и начались приходы и приезды в институт самых разных людей. Ленинградцы и многие из других городов, на своих машинах. Радовались и убеждались в свершившемся.

Рукописи книг С. С. взяли из типографии для переработки и добавлений. Обе книги будут печататься в самое ближайшее время, дело за нами.

Так хорошо все идет! Так легко дышится теперь!.. Только было бы здоровье, силы и время, которого так мало и брать негде».

Да, только бы здоровье, силы и время! Но времени, ему отведенного судьбой, оставалось, увы, так мало! Да и брать его действительно было неоткуда. Но он того не ведал.

Юдин вернулся в институт вдохновенным, готовым к новым свершениям, истосковавшимся по кипучей работе, прямо-таки одержимым. Измученное сердце нуждалось в покое, но покой Юдину только снился. А может быть, и не снился? По природе своей неисправимый оптимист, коим и сам себя считал, он глубоко верил в собственные силы и не щадил себя. Восстановленный во всех своих должностях, он взвалил на плечи еще и тяжкую ношу забот по начавшейся реконструкции института. При этом главный хирург не считал возможным отказываться ни от большого, ни от малого.

Из приказа директора института № 351 от 10 ноября 1953 года.

Во исполнение приказа МЗ СССР от 21 сентября за № 768 о работе института приказываю:

Для разработки комплекса вопросов, направленных на улучшение обслуживания больных и реорганизацию отдельных звеньев института, выделить бригады:

по издательскому делу в составе профессора С. Юдина (председатель), Б. А. Петрова, Д. А. Арапова, М. С. Александрова...

Бригаде в составе С. С. Юдина к 1 января 1954 года подготовить повестку дня и план проведения в 1954 году научной сессии института,

посвященной 50-летию со дня смерти выдающегося русского хирурга Склифосовского.

С. С. Юдин. Из его письма Е. В. Потемкиной от 28 декабря 1953 года.

«...23.XII. в роковую пятую годовщину Немезида свершила свой приговор над теми¹, кто так бессовестно и так несправедливо лишил тебя матери, а меня близкого друга. Утром 24.XII., когда я вошел в кабинет после утренней передачи последних известий, твоя мамочка встретила меня перефразированной пушкинской цитатой:

В ту ночь, как посадили нас, свершилось и их страданье.

Какая б ни была вина, ужасно было наказание...

Это утро 24.XII. было годовщиной моего отъезда из Москвы (когда привозили временно) в Новосибирск, когда ты, моя радость, моя ладушка, пришла на перрон Ярославского вокзала проститься со своим старым другом, уезжавшим снова в Сибирь после месячного пребывания в столице и частых, столь (с шестого декабря) мне дорогих встреч в метро на «Комсомольской» под Суворовым...

С Новым годом, моя дорогая Аленушка!»

Итак, начинался новый, 1954 год. Роковой для Юдина год. Обстановка в институте была тогда сложной. Петров не мог смириться с тем, что его возвратили, как бы отодвинули на старые позиции, на второй план. Но вокруг него уже была группа людей, поднятых им и расставленных на всех постах, сформировавшаяся за время отсутствия Юдина. Кое-кто стал забывать, что Петров — ученик Юдина, что Юдин, возлагая на него большие надежды, во всем ему доверял. В то же время тех, кто работал с Юдиным, в институте почти не осталось. Силы у того и другого были явно неравные. На любых совещаниях и конференциях стали возникать споры и конфликты. Пример тому подробный протокол расширенного заседания партбюро, состоявшегося в марте 1954 года. Он хранится у Т. Н. Богницкой, руководителя отдела научно-исследовательских работ Института имени Склифосовского. В 1953 году, когда С. С. Юдин вернулся, она работала клиническим ординатором, была секретарем комсомольской организации.

На том заседании партбюро Юдину как заместителю директора по научной части и главному хирургу института, — сам он членом партии не был, — пришлось отчитываться за лечебную и научную работу, осуществленную в 1953 году. А ведь он был в этой должности в том году всего пять месяцев...

В дискуссии, развернувшейся после доклада, речь пошла не по существу проделанной работы, а вылилась в сведение счетов. Тон задал однофамилец Бориса Александровича Петрова — П. Н. Петров. «Крити-

¹ Рюмин, Абакумов и др. были расстреляны, о чем было сообщено в газетах 24.XII.53 г.

ковать нужно, — поучал он, — и с этим надо соглашаться, памятуя о том, что в этот день ровно год назад умер товарищ Сталин, который нас учил самокритично относиться ко всему...»

Стоит ли после того удивляться, что Юдина обвинили — и прежде всего сам Б. А. Петров — чуть ли не во всех земных грехах и недостатках, имевшихся в институте. Что ни слово — то замечание, ехидный упрек, осуждение. Не стеснялись в выражениях сторонники Петрова: Юдин, мол, виноват и в том, и в этом... М. М. Тарасову, директору института, пришлось призывать к культуре речи и обращения.

Юдину не оставалось ничего другого, как занять позицию обороняющегося... Нельзя без боли читать сегодня уверения Сергея Сергеевича в том, что он ничуть не старался выпячивать себя... Может быть, он неправильно выражался? Тогда он просит его извинить... Неправда, что он не бывает в приемном и других отделениях. Бывает, правда, не часто, но он в институте каждый день и не выходит из него до позднего вечера. Если он не бывает, то когда же успевает целовать руки нянь, за что его же и осудили?.. А ночи ему не хватает на проверку и чтение научных работ сотрудников... Обвинение в том, что он рассматривает институт как свою вотчину, очень тяжкое... Может быть, он дал к тому повод в своем докладе? Он стремился к тому, чтобы в плане было как можно меньше проблем ему лично близких, за исключением темы по реинфузии крови, им разработанной... Министр здравоохранения все время спрашивает, как идут работы по проектированию и ремонту в институте, не пора ли ему вмешаться. Он, Юдин, на то отвечая, просит подождать, он надеется на то, что его горячая честная работа привлечет к нему товарищей, которые его недопонимают...

В том же протоколе высказывание профессора Павла Осиповича Андросова. Он прямо назвал выступление Б. А. Петрова неправильным и несправедливым, напомнил, что Петров и Арапов должны быть правой рукой Юдина, а Борис Александрович взял и отвалился, что план научно-исследовательских работ, намеченный главным хирургом на 54-й год, очень интересен и важен для всего коллектива.

Свое несогласие с критиками мужественно выразила тогда и Вера Алексеевна Скоробогатова. Она опровергла обвинение в том, что Юдин кого-то «выживает», и рассказала о том, как Борис Александрович выдворил доктора Цуринову, проработавшую в институте более двадцати лет. Не за то ли, что она была ведущей по юдинской теме, связанной с переливанием трупной крови?

Домой в тот день Сергей Сергеевич Юдин пришел измученным, очень бледным, без кровиночки на лице, «мокрым», как сказала Наталия Владимировна. И на ее встревоженные вопросы ответил мрачно, как-то отрезанно, точно не о себе: «Они хотят моей смерти...»

До трагической развязки оставалось всего четыре месяца и семь дней.

В. А. Скоробогатова, проработавшая в Институте имени Склифосовского тридцать лет, участница Великой Отечественной войны.

Я много думала о том, когда, как, с чего началась, как выразился однажды Тарасов, «резня» между Петровым и Юдиным? Первое, что пришло на ум, — борьба за влияние, за власть, за авторитет. Это, конечно, есть. Все это у Юдина было, а Петров к тому стремился. Это на первый взгляд. Борьба не двух равных, а ученика с учителем, ученика, который так и не смог превзойти потом своего учителя.

Петров не был настолько туп, чтоб этого не понимать. Может быть, Юдин его в чем-то угнетал, притеснял? Этого никогда не было. Он радовался каждому успеху Петрова в хирургии, поддерживал, помогал, да просто его любил! Впрочем, так относился не только к нему, — к Арапову, Розанову, Бочарову... Очень точно сказал о нем в некрологе Алексей Дмитриевич Арапов: «Как истинно талантливый человек, он не боялся сильных сотрудников и окружал себя способными работниками. Доверчивый и всепрощающий, он не помнил зла... Он был легок и приятен как руководитель молодых врачей, «не давил»...

Тогда что же сеяло вражду между ними, неприязнь младшего к старшему? Вспоминала, листала письма Петрова, я же работала до войны в его клинике. Вот одно из них. Февраль 1942 года. Я получила его, когда наша часть, а вместе с ней группа хирургов, которую я возглавляла, стояла под Серпуховом. Петров был тогда главным хирургом военно-морского флота на юге, Арапов — на Севере, на Балтике. Петров по каким-то делам был вызван в Москву и очень радовался этому.

«Я в родной Москве, я — в И-те, где мне мил и дорог каждый уголок, где меня встречают радостные лица знакомых и милых людей, — писал он мне. — К слову, здесь остались лишь честные, передовые и скромные работники, ибо вся остальная сволочь во главе с Якубсоном удрала из Москвы...

...Я слышал о Вас хорошие отзывы, а С. С. говорил, что Вы должны были бы занять должность хирурга армии. Да, так и должно быть, ведь вы питомец клиники С. С., самой славной в нашей стране. Теперь-то я хорошо вижу, издали, что это значит».

В конверт была вложена книжечка Петрова по технике применения так называемых гипсовых повязок при ранении, которые он предложил еще в финскую войну. Петров тогда собирался сделать доклад об этом для хирургов Москвы. Далее он писал: «Мы с С. С. издаем срочно книгу на ту же тему. С. С. готовит тысячу цугаппаратов» — специальных устройств для наложения гипсовых повязок на конечности. Заканчивалось письмо совсем миролюбиво: «Привет вам от Татьяны Сергеевны (жены Петрова) и Юдиных. Я живу у них».

Вот так вот: все идет, мол, наилучшим образом, «живу у Юдиных».

У меня сохранился еще один, особенно дорогой мне документ той военной поры — замечательное, глубоко патриотическое письмо Сергея

Сергеевича Юдина на фронт одиннадцати его ученикам — «докторам и докторассам», как он нас называл. Это письмо мы воспринимали тогда как наказ любящего отца. Я читала его своим мальчишкам, когда подросли, теперь читаю внукам. Почему я о нем вспомнила? Ведь первой из перечисленных в нем фамилий стоит — Б. А. Петрова, так высоко Юдин ценил его и уважал. И говорится в письме не один раз о тех же самых гипсовых повязках, об аппаратах, нужных к ним, которые добывал и посылал на фронты сам Юдин.

Последующие однако события посеяли во мне глубокие сомнения в ответной доброжелательности и искренности Бориса Александровича.

В конце лета или начале осени того же 1942 года Петров защищал свою докторскую диссертацию, построенную на богатом материале по тем же самым гипсовым повязкам. Во всем, в осуществлении и написании диссертации, ему очень много помогал, консультировал, «проталкивал» Сергей Сергеевич. Все это происходило на моих глазах.

Мне удалось вырваться на пару дней в Москву. Я была на защите. Она проходила в здании ЦИУ, что на площади Восстания. Еще помню, пришла с огромным букетом цветов... Защита прошла гладко. Но вот что меня удивило и резануло: соискатель с благодарностью называл немало фамилий хирургов, ординаторов, лаборантов, даже студентов, которые помогали накапливать материал и данные и консультантов. И ни разу не упомянул Сергея Сергеевича Юдина, не ссылаясь на его труды, не говорил о его помощи. Как будто это происходило не в том институте, где он главный хирург, как будто никакого отношения Петров к Юдину не имеет, да и вообще можно подумать, что нет его на свете...

Я не смогла скрыть своего недоумения. В тот же вечер, выбрав удобный момент, спросила об этом Петрова. Бориса Александровича простой мой вопрос застал врасплох. Через секунду — другую пробурчал что-то невразумительное, вроде того, что, кто, мол, об этом не знает.

Через год после окончания Великой Отечественной я работать в клинике не смогла (родились у меня двойняшки) и попросила перевести меня в приемное отделение, в чем Сергей Сергеевич меня сразу поддержал, наложил соответствующую резолюцию.

Арест Юдина произошел не в мое дежурство. В институте сразу же начались перемены. Петров вскоре вступил в партию, все увереннее забирая власть в свои руки, и кое-кто это вскоре почувствовал. От Юдина, когда его, выпустив на свободу, перевезли в Новосибирск, приходили письма, но ими не хвастали, говорили о них шепотом. О том же, что Петров игнорировал запрос Юдина на архивные материалы по его всемирно известным работам, связанным с переливанием трупной крови и прободными язвами, за двадцать лет — с 1928 по 1948 год, то есть за время его руководства хирургией в институте, я узнала из опубликованных совсем недавно писем С. С. Юдина к А. Г. Савиных.

«В Москве мой выход на свободу был радостно встречен очень многими хирургами, за исключением моего преемника, для которого мое возвращение на волю — явный и в высшей степени неприятный эпизод.

Вот уже более двух месяцев он не отвечает на мою корректную просьбу: разрешить мне использовать архивные данные по переливанию трупной крови и прободным язвам за годы моего руководства хирургией в институте, то есть за 1928—1948 гг.

Мне точно известно, что с этим моим письмом преемник ездил в Министерство здравоохранения, стремясь защитить свои позиции главного хирурга института от каких-либо напоминаний о том, что захваченное им научное наследство получено лишь благодаря несчастному случаю с их законным владельцем...»

Тут уже двинули Петровым не только жажда власти и тщеславие, а кое-что похуже. Пора восстановить правду! Сопоставив эти факты, сначала эпизод с защитой, потом историю с архивными материалами, сейчас, сквозь призму лет, иначе начинаю оценивать свое выступление на партбюро в марте 1954-го года. Оно мне кажется до смешного наивным, беззубым. Ведь я пыталась еще увещевать Петрова, еще удивлялась тому, как он мог тогда так говорить: «Ведь вы — любимый ученик Сергея Сергеевича. Он верил вам. Как поднимается у вас рука... после того, что было, что он пережил, что перенес... Вам бы надо оберегать Сергея Сергеевича от перегрузок, от тревог и волнений. А вы наносите удары. Отстранили людей, с которыми он работал. Это жестоко»...

Из письма С. С. Юдина к ученикам, отправленного на фронты 5 февраля 1942 года

Докторам и Докторадам:

Б. А. Петрову, Д. А. Арапову, А. А. Бочарову, Л. С. Островской, Д. И. Меркулову, В. А. Скоробогатовой, Л. А. Копцыловской, И. К. Клецкому, О. О. Виноградовой, О. А. Ставровской, Н. В. Хорошко.

«Бог помочь Вам, друзья мои
В заботах жизни, бранной службы
И на пирах веселой дружбы,
И в сладких таинствах любви

Бог помочь Вам, друзья мои!
И в бурях, и в житейском горе
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли».

Я намеревался послать Вам свой очередной отчет вместе с Новогодним поздравлением. К этой дате должны были закончиться и некоторые существенные работы, о которых мне было бы приятно поделиться со всеми Вами.

К сожалению, в самую Новогоднюю ночь я неожиданно, «не в шутку занемог». Случился инфаркт миокарда — штука прескверная. Во-первых чуть не умер, во-вторых, выбыл из активной работы на значитель-

ный срок и притом крайне не вовремя, в-третьих, вследствие того же и мое послание к Вам тоже задержалось на месяц.

По правде говоря, я стал себя чувствовать много лучше уже на 5—6-й день, как только стала снижаться температура и улучшаться формула крови. Настроение мое поднималось все чаще и все выше радостными сообщениями о наших победах над врагами. А вместе с тем вернулась возможность и лежать в постели, вопреки запретам и угрозам терапевтов, заканчивать и руководить целым рядом дел и задач, о которых ныне явилась возможность докладывать Вам как о реальных достижениях.

Но прежде того разрешите совсем вкратце напомнить о тех довольно крупных переменах, кои произошли в нашем Институте со времени моего предыдущего послания к Вам.

1. Ночью, 16.X., после тщательной двухмесячной подготовки, на трех институтских автомобилях сбежали директор Якубсон со всей своей бандой, обокравши не только кассу, кухню, аптеку, цейхгауз, но даже больных. «Сии птенцы гнезда Якубсона» была компания из 26-ти отборных проходимцев и паразитов, вроде Корытного, Дорина, Писикова, Садкиной, Ландо, Ремма, Сорегина и т. п. Все получили жалование по февраль 1942 г. Украдено было 15 тысяч из кассы, все золотые вещи, сданные больными на хранение, даже печать Ин-та, дабы фабриковать друг другу какие угодно удостоверения. Они увезли бензиновый бак с последней оставшейся автомашины.

Из моей клиники в ту ночь дезертировал Головинчиц, несколько позже тоже ушла не простившись со мной Робинсон.

2. Утром 17.X. мы избрали директором А. В. Русакова, который самоотверженно проработал с нами три недели, не выходя ни днем, ни ночью из палат, операционных и приемного покоя. Арсений Васильевич был снят с работы самым оскорбительным приказом вследствие бесспорных происков и интриг даже доносов Мих. Ваза.

3. С 16.X. весь Ин-т стал объединенной хирургической клиникой, за вычетом 30—40 терапевтических коек. Трудно передать кошмарное состояние 300 раненых, брошенных врачами Горинеской, сама старуха сбежала на сутки раньше своих ассистентов, добывши исподтишка от них для своего барахла полвагона. Мы подбирали врачей на помощь откуда придется и каких попало, среди них выявилось трое очень хороших работников из числа наших институтских терапевтов и еще трое толковых и даже способных молодых хирургов.

4. Новый директор — Борис Владимирович Нифонтов — оказался превосходным человеком, энергичным и преданным делу работником, имеющим заслуженное влияние и в Моссовете и высоких партийных инстанциях. Наши отношения установились сразу и не оставляют желать лучшего. Во всех моих работах и начинаниях, мелких и крупных, я неизменно встречаю его горячую, искреннюю поддержку.

Таковы существенные перемены в жизни и структуре нашего Ин-та. Отмечу хронологически отдельные пережитые этапы и моменты.

1. Первые дни после 16.X., когда Б. С. Розанову, Л. А. Эндауровой и мне приходилось наспех разбираться среди 300 с лишним раненых, брошенных бежавшими «травматологами» в подземное бомбоубежище. Тут оказалось несколько десятков переломов бедер на брошках Киршнера, разумеется, ни разу не консультированных рентгеном в курсе лечения вытяжением. Своих больных у нас было тоже свыше трехсот. Если же добавить, что целые отделения пришлось поручить, напр., И. В. Фомину и др-ру Карпинскому, а «Скорая» продолжала регулярно подвозить то «пробные», то тяжелую уличную травму с затемненных московских улиц, то Вы поймете, что первые дни нам было трудновато. Я уже упоминал о некоторых сюрпризах, например, неожиданной работоспособности и успехах переданных нам терапевтов...

2. Двое суток сверхнапряженной работы после воздушных налетов 28 и 29.X. По счастью к этому времени выявились и вошли в свои роли упомянутые трое молодых хирургов. Вместе с тем удалось эвакуировать две большие партии из «наследства» Гориневской в два наши филиала: на «Сходню» и в «Подсолнечное».

3. Поступление раненых бойцов с фронта, для которых в течение двух суток пришлось развернуть оба этажа, примыкающие к большому Конференц-залу, и сам зал, вместивший 65 коек. Я мог поручить заведование этим значительным лазаретом В. О. Линдеману, который тогда был уже в нашем коллективе. К сожалению, нагрузка, выпавшая на его долю, оказалась непереносимой для его слабого здоровья, и вскоре его самого пришлось уложить в 69-ю палату на целый месяц из-за обострения легочного процесса. Сейчас он поправился и опять начал работать.

Перехожу к изложению начатых и проводившихся работ.

1. Лечение огнестрельных переломов глухой гипсовой повязкой. Хотелось, во-первых, выявить особые преимущества именно ранних гипсований свежее оперированных переломов, во-вторых, желательно было выявить эффективность местной сульфамидотерапии. Вставал вопрос об аппаратуре не только для гипсовых перевязочных, но о настоящих ортопедических столах в операционных. Добыл. Помимо идеального специального стола Хоуля, второго такого же, упрощенного Назаровым в Протезном Ин-те, и третьего — Шанца, я достал еще два превосходных комплекта аппаратуры Лемана, из коих один приспособил как съемную часть к операционному столу Горбандта. Такое богатство не только обеспечивало работу сразу всех операционных и перевязочных, но оно позволяло мне подарить несколько имевшихся у меня zigarragat Böhler, в руки наиболее надежных хирургов.

Вместе с тем, добывши звуковой киноаппарат, я стал выезжать

в подмосковные участки фронта, раздавая при этом свои книги о стрептоциде и пульверизаторы.

Я взял на себя следующие практические проблемы: а) написать и издать книгу, где изложены принципы и техника трех неразлучных элементов лечения огнестрельных переломов, т. е. операций, сульфамидотерапии и закрытой гипсовой иммобилизации, б) организовать производство улучшенной, портативной ортопедической аппаратуры. Обе эти большие задачи затеяны были в трудное время: Москва была охвачена вражескими дивизиями в полукольце, с радиусом кое-где 40—50 километров. Время ли это для писания и печатания книг и для организации производства новых видов аппаратуры?!

Я не был вполне уверен, что в некоторых местах огневые рубежи не приблизятся еще, может быть, даже значительно. Я вполне готов был к артиллерийскому обстрелу нашей родной столицы. Но я абсолютно твердо знал, что Москвы мы не отдадим ни дешево, ни дорого. Эта уверенность давала мне не только решимость писать книгу и хлопотать о порядочных партиях металла для аппаратов.

Далее в письме идет речь о консервации трупной крови со стрептоцидом, о бактериологическом контроле, который в клинике поставлен небывало, о подарке ко Дню Красной Армии в 3000 отдельных комплектов для капельных вливаний соленой воды, глюкозы, стрептоцида и крови, значение которых в военной хирургии трудно преувеличить, о выпуске подробной инструкции по этим вливаниям с рисунками И. Цановой, о подготовленных для фронта пятистах походных лабораториях...

«Вот те работы и начинаются,— писал Юдин далее,— не считая лечебной деятельности, в коих мне приятно пред Вами отчитываться и которые позволят мне, встречая и обнимая Вас при радостном победном возвращении, прямо и открыто глядеть каждому из Вас в глаза, в сознании, что в тяжелую годину я не оказался перед своей Родиной полным банкротом...

И я глубоко верю, что будущая портретная галерея героев текущей Войны станет не только новой грандиозной реликвией Второй Отечественной Войны для русского народа, но что она явится священным, молитвенным местом, где все освобожденные нации найдут и увидят образы своих избавителей.

«...все плащи да шпаги,
Да лица полные воинственной отваги».

Кто они? Откуда они появились, все эти Рокоссовские, Доваторы, Кутаковы, Ремезовы, Жуковы, Коневы и все новые и новые герои полководцы?! Мы узнаем о них пока из кратких газетных справок. Весь мир поведаст о них подробнее в счастливый период окончательной победы...

Всех Вас я жду к себе в клинику не с надеждой, а с уверенностью. Думаю, что и сам справлюсь со своим инфарктом. А пока всех Вас, моих дорогих, торжественно благословляю, нежно обнимаю и крепко целую. Пусть каждый из Вас сам или сама выбирает любое по собственному вкусу.

5. II—42 г.

Р. С. Посылаю zugapparat.

К сожалению, без ящика. Немедленно закажи сделать ящик из фанеры, а то растеряются винты, барашки и целые части.

Верочка! Привет тебе. С. Ю.»

В письме Юдина на фронты И. А. Цанова не значится среди «докторов и докторассов», но тем не менее речь о ней там идет. Сообщая о трех тысячах комплектов для капельных вливаний, он напоминает о подробной инструкции «объемом в печатный лист с шестью превосходными рисунками», которая прилагается к ним. «Эти рисунки,— писал он,— как и целый ряд других для моей книги о переломах выполнила Ирина Цанова—дочь Антона Ивановича из Ялты, ныне профессора в Махач-Кала. Она уже имеет звание зауряд-врача и работает у меня в клинике операционной сестрой». И. А. Цанова, заведующая лабораторией больницы Академии наук СССР. В начале войны я жила у Юдиных... Мой отец и Сергей Сергеевич были дружны. Познакомились еще в 1930-м году на съезде хирургов, который проходил в Харькове. Я тоже очень хотела стать хирургом, поступила в Первый Московский медицинский. Училась на последнем курсе, когда началась война. Юдины не отпустили. Я устроилась до сдачи госэкзаменов операционной медсестрой в Институт имени Склифосовского... и рисовала. Да, вот именно, рисовала. Дело в том, что я оказалась очень нужной Сергею Сергеевичу как художница, хотя до того сама не думала заниматься этим всерьез.

Однажды, когда Сергей Сергеевич, оформляя свои статьи, набрасывал схему, я взяла карандаш и поправила его рисунок. Он сразу же согласился со мной, посмотрев на меня очень внимательно. Другой раз я изобразила бедра в разрезе. Юдин пришел в восторг. И с тех пор, можно сказать, закабалил меня. Ночами я была в морге, распиливала трупы, делала нужные ему зарисовки бедра. Ему нужна была его анатомия на разном уровне. Получалась не фотография, где ничего не поймешь, а своего рода живопись. Сергей Сергеевич раскрывал атлас Пирогова, показывал распилы конечностей, сравнивал: «Так, так, Иришка, хорошо! Продолжай!», и отводил меня в комнату, закрывал даже на ключ, чтоб никто не мешал мне. Эксплуатировал нещадно! Такой уж он был деспот в работе. И никогда не спрашивал, устала я или нет, ела что-нибудь или только собираюсь. Ибо считал, что о времени, усталости и деньгах врачу, даже будущему, говорить неприлично.

Летом сорок второго мы получили дипломы, пять врачей из моего выпуска стали хирургами. Наталия Владимировна подарила мне в связи с этим букет розовых гладиолусов и очень красивые розовые бусы. Администрация института на меня и еще одну девушку, тоже подработывавшую, как и я, медсестрой, направила запрос. Меня сразу же вызвали в спецотдел: «Что вы сделали? Вы обязаны явиться в военкомат, подать заявление, идти на фронт». Сергей Сергеевич на фронт меня не отпустил. И тогда стали меня шантажировать. Вызвали на Лубянку. «Где ваш муж? Может быть, он в плену? Где мать?» Мы с мужем расписались за день до начала войны. Он сразу же ушел на фронт, потом погиб на Орловско-Курской дуге. Мама жила в Крыму, известий от нее я не получала и считала ее погибшей там. И тогда мне объявили: «Вы комсомолка и должны нам помогать», и популярно изложили, в чем будет выражаться эта «помощь». Я похолодела от возмущения. Прикинулась дурочкой, хохотушкой, старалась показать, что для такой роли я не годюсь. Не знаю, убедила их или нет, но подписку с меня о неразглашении этой беседы с меня взяли. Потом вдруг объявился красавец мужчина двадцати двух лет, предлагавший встречаться. Звонил по телефону и все интересовался тем, что делается у Юдиных. Пришлось мне, чтоб избавиться от таких напастей, снимать себе комнату.

Оклад маленький, время голодное. Жилось очень трудно. Помогло в какой-то степени мое новое ремесло. Б. А. Петрову, ученику Юдина, понадобились иллюстрации к его лекциям. Я их ему рисовала. Петров устроил меня на четверть ставки лаборантом. Но меня это не спасло, начался у меня туберкулез. Весной 1948 года я уехала в санаторий в Крым, нашла там маму. Подлечившись, вернулась в пятьдесят первом. Без Сергея Сергеевича в институте было пусто. Пошла к Б. А. Петрову, но он стал уже другим человеком. На сей раз не взял в клинику, вроде бы не он сам отказывал, а начальство. Меня, как и иных юдинцев,— Островскую, Симонян, Цуринову... направляли в открывшуюся тогда новую «скоруюпомощную» больницу № 27. Там работала я и после возвращения Сергея Сергеевича в институт.

Продолжала бывать у Юдиных. Они жили в высотном доме у Красных ворот. Сейчас там живет Галина Сергеевна, внучка Юдиных, и ее сынишка, правнук Сергея Сергеевича, Сергей...

В июне 1954 года украинские хирурги пригласили Юдина в Киев на конференцию. Избрали председателем, что ему очень льстило. Однако он... «несмотря на занятость и плохое самочувствие,— писал академик Б. В. Петровский в одной из своих статей,— все же нашел время, чтобы осмотреть Киев», в котором так давно не был. Далее академик описывает эпизод, свидетелем которого он стал, происшедший накануне внезапной смерти Юдина. Дело в том, что Юдин давно мечтал увидеть последнее неизвестное ему произведение Врубеля. «Оказалось, что эта забытая фреска «Скрежет зубный» находилась на стене церкви в психиатрической больнице Киева. Он отыскал эту фреску, и мы долго смотрели тро-

нутое временем и неоконченное произведение великого русского художника».

Биограф Юдина Кирилл Симонян, работавший в институте хирургом и посвятивший Юдину воспоминания, подробно описал, как развивались события дальше.

«Посетил музеи, Лавру и к вечеру вновь вернулся на конференцию в крайне возбужденном состоянии. Ему предстояло произнести заключительное слово председателя, первое после нескольких лет вынужденного молчания. Сидя в президиуме, Юдин, видимо, чувствовал себя плохо, попросил чаю с коньяком. Прихлебывая горячий напиток, он не один раз в шутку сказал, что чай с коньяком действует на него лучше, чем валидол. Это явно свидетельствовало о неполадках с сердцем, но, так как он вообще часто хватался за сердце, все отнеслись к его словам именно как к шутке и не придали им значения.

Его заключительное слово было встречено громом аплодисментов. Пересыпанная примерами из практики речь по существу была докладом, конец которого аудитория так же восторженно приняла, как и начало.

Несмотря на то, что приступы стенокардии продолжали беспокоить его несколько часов, он не захотел остаться в Киеве и спешил вернуться в Москву. В самолете ему сделалось плохо, он попросил валидол, и его жена, Наталия Владимировна, не найдя сахара, накапала ему валидол на кусок шоколада. С борта самолета в Москву была отправлена радиограмма о том, что Юдину плохо».

М. П. Голикова была в тот вечер в институте. Узнав, что в аэропорт вызвана машина «скорой помощи» для Юдина, сообщила об этом профессору О. И. Глазовой, которая как терапевт постоянно наблюдала Сергея Сергеевича, они вместе поехали к нему домой.

Профессор находился в крайне возбужденном состоянии, рассказывал о своем путешествии, о съезде, и «это пугало окружающих, потому что срыв нервной системы в этот момент был крайне нежелательным и опасным». Его уложили. Постепенно успокоился, стал дремать.

Уснул. Но уже навсегда...

Тысячи москвичей, а среди них и спасенные им стекались на Колхозную площадь, чтоб проститься с профессором С. С. Юдиным, «который был столь же выдающимся и вечно ищущим хирургом, как и большим человеком и великим гуманистом, — писал английский журнал. — Мы подавлены этой потерей... — это большая утрата».

Но ведь рукописи были незавершены, не окончены. Многое он успел набросать только тезисно, наметить только планы. И если б не ученики, коллеги, друзья. Если б не Марина...

О. С. Александрова, операционная хирургическая медсестра с сорокалетним стажем. Я уже работала в Институте Склифосовского операционной сестрой, когда к нам в 1932 году пришла Марина Голикова. Это

Сергей Сергеевич назвал ее Мариной, а так она Мария. Мы, средний медицинский персонал, как-то сразу расступились, принимая ее в свои ряды. Операционной сестрой она была первоклассной, очень точная, аккуратная, понимала хирурга не с полуслова, с полувзгляда, особенно Сергея Сергеевича. И попав в его клинику, сразу сумела поставить себя. Да, она была с характером, волевая и в то же время очень трудолюбивая. Юдин о ней отзывался очень высоко: «Святая женщина», — говорил.

А я бы так сказала: наша Марина была необыкновенная женщина. Очень способная. Ведь она сдала все экзамены за среднее образование экстерном. Правда, ей помогал Василий Иванович, ее муж, врач на флоте, он кончал военно-медицинскую академию, был намного старше ее. А знаете, о чем мечтала Марина в юности? Жила она тогда в Астрахани и собиралась стать... капитаном корабля, плавать по Волге хотела. И вот еще пример. Ну, кто бы из нас в те наши годы, имея маленькую дочку, сел бы на мотоцикл? А ей захотелось. Однажды упала. Перелом. Навешали, перевязки делали.

Началась война. Я готовила шовный материал Арапову и Петрову, отправлявшимся на фронт, потом — Сергею Сергеевичу. Он несколько раз вылетал в действующую армию. Первый раз в сентябре 1942 года, а ведь в том году у него был инфаркт. Потом в феврале 1943 года. И медсестра с ним, Марина, конечно. Еще Леночка, дочь Марины, прибегала ко мне ночевать, боялась остаться дома одна.

А когда случилась с Сергеем Сергеевичем и Мариной беда великая, то мы, затаившись по своим углам, вздыхали и ждали, ждали. Думали, что ошибка вышла, надежды не теряли. Пять лет ждали. Вдруг звонят по телефону из клиники: «Оля, скорей приезжай, Юдин тебя хочет видеть!» Я бегом на электричку, на станции Лось живу. Как увидел — обнял, поцеловал в щечку, совсем как, бывало, когда поздравлял перед праздниками: «Ну, что ж, будем работать!»

И вот мы снова в операционной. Делаем пищевод. Марина, как операционная, на своем посту, я — как наркозная медсестра — на своем, на пульсе. Так и тянет поглядеть, как там идут дела у него. Глаз не могу отвести от его чудных рук. И тут же получаю сердитое: «Не туда смотришь, Ольга!» А сам-то побледнел от усталости: третий час идет операция. Он сильно сдал за те годы. Другой раз придет в свой кабинет после операции, переодеться. И не может наклониться, чтоб зашнуровать свои ботинки. Бросаемся, помогаем ему. Ведь у него же радикулит еще с первой войны, всю жизнь ходил в корсете. Все мы его любили. А как плакали на поминках, не стыдись. В первые годовщины 12 июня нам подавали автобус и мы везли на Новодевичье цветы. А если доставались билеты, шли в Большой театр на «Хованщину» или «Бориса Годунова» с Ниной Васильевной Хорошко, с Верой Алексеевной Скоробогатовой, с Ирой Цановой... Это его любимые оперы были.

Марина после смерти Юдина работала какое-то время в клинике операционной сестрой, пока не обострились у нее отношения с Б. А. Петровым. Потом перешла в шокое отделение, которое теперь у нас называется реанимацией. А все свободное время, все часы отдавала тому, чтобы не пропало, не исчезло для людей, для науки наследство, оставленное Юдиным. Вот тут как бы открылся еще один талант Марины. Она собирала рукописи, составляла его книги. Кроме того, стала готовить альбом о нем, о его жизни и научной деятельности. У нее будто удвоились силы. Искала фотографии его с самых детских лет, документы, письма, мнения ученых, публикации в газетах и журналах, некрологи. И наше, медсестер и санитарок, слово учла о большом друге, к которому можно всегда было обратиться в трудную минуту и рассчитывать на его помощь.

Если бы не Марина, то не было бы и известной картины о Юдине и его учениках. Она подсказала эту идею художнику, помогала ему в работе, доставая нужную фактуру. Сергей Сергеевич изображен с ампулой в руках, а вокруг ученики — Арапов, Розанов, Бочаров. Петрова среди них нет. Когда Петров умер и встал вопрос о его захоронении, то академики не допустили погребения его останков на Новодевичьем кладбище.

По клочкам бумаги, по листочкам, исписанным в тюрьмах, М. П. Голикова вчитывалась в строки так хорошо знакомого ей почерка, вникала в замысел того, что хотел сказать Юдин. Отыскивала тезисы, наброски статей. Переписывала их заново. Да за ее подвижнический труд над рукописями Юдина памятник впору бы поставить!

Редактировали рукописи ученики Юдина, сами уже профессора. Особенно много сделал Дмитрий Алексеевич Арапов. И одна за другой выходили книги. Посмертно.

1955 год. «Этюды желудочной хирургии» с прекрасными черно-белыми и цветными, как того хотел Юдин, иллюстрациями. На титуле под фамилией автора труда еще одна фамилия, фамилия художницы: «Рисунки Ирины Цановой». За эту книгу Голиковой пришлось долго воевать с Б. А. Петровым, всячески противился он ее выходу в свет. Потом эта книга была переиздана в 1965 году с предисловием члена-корреспондента АМН СССР Д. А. Арапова.

1960 год. Начало издания трехтомника «Избранных произведений» С. С. Юдина. В книге первой — вопросы обезболивания в хирургии; в книге второй — вопросы военно-полевой хирургии и переливание посмертной крови.

1962 год. Третья книга — «Хирургия язвенной болезни желудка и нейрогуморальная регуляция желудочной секреции у человека», построенная на результатах исследований, проводившихся в ссылке, в Новосибирске, о которых так беспокоился Юдин в своих письмах профессору Савиных.

В том году, 1962-м, выдающемуся хирургу была присуждена посмертно Ленинская премия.

Последнюю свою работу Юдин хотел назвать «Источники и психология творчества». Впоследствии она получила другое название, которое очень нравилось Марине, — «Размышления хирурга». Она вложила в нее много души, но завершить не успела. «Размышления хирурга» вышли уже без нее, в 1968 году. Эта небольшого формата книга — прекрасное подарочное издание. Каждому, кто возьмет ее в руки, она принесет радость. Автор ее представлен как философ и ученый. Недаром эпиграфом к первой главе он взял высказывание Льва Толстого о науке и искусстве: они «связаны между собой как легкие и сердце так, что если один орган извращен, то другой не может правильно действовать». Поэтому и «...невозможно без восхищения читать строки о том, что привык у себя в кабинете перед особо трудными операциями перелистывать партитуру симфоний Чайковского»... «Врач-мыслитель, пламенное сердце художника и красивая душа большого гуманиста». Это высказывание принадлежит известному философу А. Г. Спиркину и приведено из его послесловия к книге.

Столь же высокого мнения о книге и ее авторе и академик Б. В. Петровский, написавший к ней предисловие: «Если С. С. Юдин любил называть работы по изучению посмертной крови своей «патетической симфонией», то «Размышления хирурга» мы вправе назвать «неоконченной симфонией». Действительно, рукопись не завершена. Она была задумана как психология творчества, создавалась в неблагоприятных условиях... Рукопись представляет собой отдельные фрагменты, мысли, высказывания, касающиеся творческого процесса вообще и творчества врача и хирурга в частности... Литературный талант, взлет мысли доставляют эстетическое наслаждение... Неповторимый стиль, широкая эрудиция...»

Академик считал своим долгом при этом отметить, что «в систематизации и восстановлении текста большая работа проведена составителем рукописи М. П. Голиковой». Ее же перу принадлежат и публикации о Юдине в журналах.

ДОРОГА К ОТКРЫТИЮ

«...Он проявил себя как молодой ученый, обладающий незаурядными способностями...»

Столь лестные слова, взятые из письма С. С. Юдина в распределительную комиссию Новосибирского медицинского института с просьбой направить его выпускника «для прохождения клинической ординатуры в руководимую мной клинику Института имени Склифосовского

в Москве», можно считать эпиграфом к рассказу о профессоре Ю. М. Левине. Видимо, у хирурга Юдина рука, которую рисовали и лепили художники и скульпторы, была не только профессионально уникальной, дарованной природой, но и легкой. Потому что студент Юрий Левин, каким знал его академик, действительно стал ученым, основателем практической, клинической лимфологии.

— К великому сожалению,— говорит профессор Левин,— я не смог тогда сразу выехать в Москву. Впереди были еще госэкзамены. А летом 1954 года Сергея Сергеевича не стало... Но его образ я пронес через всю свою жизнь. Он как бы мне светил, помогал в самые трудные моменты, когда казалось, все кончено, отступать некуда...

У него не было эффектных, как фейерверки, взлетов. Только труд и труд, упорная терпеливая работа изо дня в день, создание «хорошо подготовленной почвы», — как однажды выразился французский физик Луи де Бройль. — Как говорят, эти вещи (открытия) приходят лишь к тем, кто их заслужил.

Его дорога к открытию... Может быть, она началась в тот самый час, когда, переступив порог Новосибирского мединститута, решил стать врачом? Или годами позже, когда, уже будучи доктором наук, занялся белой «кровью» — лимфой и преуснул в этой области больше других?

Его учителя... Их было, как и у гранинского Зубра, двое. Тимофеев-Ресовский с гордостью считал себя учеником Николая Константиновича Кольцова и Сергея Сергеевича Четверикова. Левин с глубочайшим почтением называет академиков Сергея Сергеевича Юдина и Георгия Артемьевича Зедгенидзе. Сопоставление генетика и медика не без предположения: судьба свела обоих в Обнинске, в одном и том же институте медицинской радиологии, в одни и те же, не самые лучшие, а самые мрачные для этого института годы. Они не были близки, просто работали бок о бок, каждый в своей области, но и того и другого, одного раньше, другого позже, постигла печальная участь изгнания, весьма характерная для многих интеллектуалов конца шестидесятых и начала семидесятых годов.

Вся его жизнь складывалась так, что оказался он не сторонним наблюдателем, не случайным свидетелем переломных моментов истории, — на себе испытывал воздействие политических перемен от мрачных лет сталинщины до быстротечных дней сегодняшней перестройки.

Сам Юрий Маркович считает, что его «уничтожали почти физически (его собственное выражение) дважды». Первый раз в 1964 году, еще в Кемерово, где он заведовал кафедрой патофизиологии. Он только что во Фрунзе подал докторскую диссертацию и мечтает встретиться с академиком Зедгенидзе, посоветоваться с ним о своих дальнейших исследовательских планах.

Академик понимает сибиряка с полуслова. Это совершенно неисследованная область радиологии. Бесспорно, что ее нужно и как можно быстрее развивать. Она понадобится жителю двадцатого века, наппиго-

ванного ядерной физикой и атомными бомбами. Да, да, он обеими руками «за». Пусть Левин переезжает в Обнинск. Зедгенидзе обещает открыть специальную лабораторию.

В Кемерове, однако, благородный исследовательский порыв оценили иначе. Не посчитались с тем, что кафедра патофизиологии, которую он возглавлял, да и другие кафедры института иного направления, не имеют базы для решения задачи, которую Левин поставил перед собой. В ВАК, пока Высшая аттестационная комиссия не утвердила еще диссертации, пошла анонимка. Обвинения одно страшнее другого: «диссертация сфабрикована, она построена на фальшивых, подделанных результатах».

Комиссия, председатель профессор В. А. Буков и профессор В. Н. Андреев, скрупулезно знакомится с материалами. Ее решение однозначное: налицо результат добросовестнейшего труда. ВАК утверждает диссертацию. На это ушло полгода. Полгода жизни. Полгода нервозов и ожидания, стоившие тридцатипятилетнему соискателю инфаркта миокарда. К счастью, он вышел из поединка с анонимщиком и болезнью победителем. Но кто знает, сколько унесли жизней неуязвимые в своей безнаказанности «сочинения» безадресных авторов?

Второй раз «уничтожали» профессора Левина в Обнинске. В том самом Обнинске, куда он так страстно стремился и связывал с ним свои надежды.

Вначале все было хорошо. Академик Зедгенидзе сдержал свое слово, создал условия для перспективной работы. Левин возглавил первую в стране Лабораторию экспериментальной радиохирургии. От анализа зарубежного опыта по облучению крови и лимфы вне организма при лечении, например, лейкоза, от поисков способов предупреждения радиоактивного и токсического поражения, разработанных совместно с другой лабораторией, Левин и его сотрудники все свое внимание сосредоточили на терапии злокачественных опухолей и метастазов путем воздействия на лимфатическую систему лекарствами и ионизирующим излучением. Впоследствии по этим вопросам будет написана и издана в 1976 году первая в отечественной литературе капитальная монография. Но это потом...

Левин кропотливо накапливал факты, и все увереннее подавала свой голос новая ветвь медицины — практическая лимфология. В те же самые годы активно и независимо друг от друга работали в этой области ростовские и киевские, бакинские и ереванские онкологи. Ш. Б. Кулиев изучает вопросы эндолимфатической и интраартериальной химиотерапии, И. В. Таткало совершает и обосновывает в ереванской клинике первый в СССР дренаж шейного отдела грудного лимфатического протока.

Однако работать в Обнинске с каждым днем становилось труднее. Дело в том, что в Обнинске, как писал Даниил Гранин, появилось «новое лицо, новый начальник. Отличался он твердым убеждением, что на нынешнем этапе наибольшее зло и неприятности происходят от ин-

теллигенции». Писатель, деликатно уйдя от документальности, не сказал, что этим «лицом» был новый первый секретарь горкома партии, много позднее изгнанный из партии за аморальные, позорящие звание коммуниста поступки. Но тогда он был в полной силе и весь свой гнев обрушил, как мы знаем по повести, в частности, на «сборища», знаменитые, любимые молодежью семинары у Тимофеева-Ресовского. А тот, между прочим, «...не имеет положенных дипломов. Он не профессор, не доцент. Сидел. Вообще личность, не заслуживающая доверия»...

Гроза, разразившаяся над Зубром, сотрясала институт. Целостного коллектива уже не было, распался на группировки. В самой большой оказались менее храбрые и сторонники новых «порядков», проверок и комиссий. И началось. Кто, затаившись, смирился, кого свалили хворости, кто уходил сам, а кого, как Тимофеева-Ресовского, увольняли... Трагически оборвалась жизнь члена-корреспондента АМН СССР Войткевича... За короткое время институт лишился почти двадцати профессоров и докторов наук.

Но профессор Левин, хотя и для него настали черные дни, не уходил и не смирился. Впервые в науке он формулирует и смело выдвигает гипотезу: **при любых заболеваниях человека не только можно, но и нужно управлять лимфатической системой, вносить в нее коррективы.** В этом гарант выздоровления или значительного облегчения состояния больного. К нему за советами и опытом приезжают врачи, хирурги и исследователи из других городов. Он выступает на научных конференциях в Обнинске и Москве, блестяще участвует в дискуссиях. Тут он на коне.

Он говорит: лимфатическая система при всех заболеваниях, являясь одним из звеньев гуморального транспорта, обеспечивает экологию внутри организма, вовлекается в патологический процесс. Все молчаливо соглашались: кто бы спорил, прописная истина. Но следующая фраза уже настораживала: нарушения в лимфатической системе нередко очень резко влияют на развитие и течение заболевания. Снова молчание, но со знаком вопроса. Кто-то бросает реплику: «А факты? Примеры есть?» «Есть, пожалуйста...» А если так, то это значит... И он формулирует третий пункт тезисов, свою гипотезу управления лимфатической системой. Взрыв удивления. «Но это значит перевернуть всю медицину! Вот те раз!» И вспыхивают споры. Разгораются страсти. У постели больных — неслыханное дело — идут ученые советы.

Его активность и напористость как раз и не нравились «наверху». «Уймись, перестань вносить суматоху, не мельтеши, и все у тебя будет в порядке», — нравоучал секретарь парткома... Начиналось десятилетие умиротворения и сглаживания противоречий, забвения Пастернака и Дудинцева. Инициатива во времена удушливого застоя, постыдного процветания рашидовых и медуновых, парадных рапортов и пышных приемов не поощрялась. Инициатива была наказуема. И вдруг вопреки

всему городская обнинская газета напечатала статью об успехе левинской лаборатории, за что впоследствии и была наказана...

К научным результатам исследований, получаемым здесь, никто придираться не мог, был высок и научный авторитет Левина. Но легко было опорочить самого человека, его доброе имя, его честь...

Левин возглавлял секцию атеистической пропаганды, читал лекции. Но ему и тут все же приписали «ошибки», обвинили в том, что не добивался увольнения с работы верующих, посещавших церковь...

В итоге... лабораторию, как таковую, упразднили, достаточно, мол, и группы. Понизили рангом и Левина — перевели в старшие научные сотрудники.

Ему казалось, что наука для него кончается, а вместе с ней и жизнь, потому что жить без науки для него не имело смысла. И если б не Зеденидзе, который старался ободрить и поддержать морально... Формально Георгий Артемьевич еще был директором института, но многое там вершилось без него... Он пережил ленинградскую блокаду, был на фронте, работал во имя Победы, но он не умел воевать с бюрократами.

— Все проходит, Юра, — успокаивал этот мудрый ученый, навещая Левина в больнице. — Твое дело большое, очень нужное людям. Мы еще поработаем.

И они поработали и продолжают работать, правда, в разных местах Москвы. Академик на Каширском шоссе, он консультант Всесоюзного Онкологического центра, профессор — во Втором Медицинском институте, на Юго-западе, где у него научно-исследовательская лаборатория лимфологии. А на тихой Малахитовой улице расположены Всесоюзный и республиканский центры клинической лимфологии, им возглавляемые.

При слове «Центр» мне вспоминаются почему-то дворцовые с размахом и мраморным великолепием хоромы Всесоюзного кардиологического центра с его огромными пустынными холлами и одетыми редкими камнями галереями. Сколько бы прекрасных больниц могла бы получить столица за те средства, которые поглотил этот комплекс. Всесоюзному Центру клинической лимфологии отведено всего-навсего несколько комнат и одно отделение больницы в рядовой медсанчасти. Куда как не богато! Но профессор Левин рад и тому. Ведь было время, что всего, даже самого малого, его лишали.

Спрашиваю, что он имеет в виду? Тот же Обнинск?

Мы беседуем с Юрием Марковичем в крохотном его кабинетике: стол и два стула.

— Да нет, это уже было здесь, в Москве. Я ведь здесь с семьдесят третьего года, когда во Втором Медицинском институте имени Пирогова был объявлен конкурс на замещение вакантной должности старшего научного сотрудника. Подал заявление и по конкурсу прошел.

На новом месте Левин сразу же стал создавать группу по лимфологии. Задача: экспериментально и клинически подтвердить его гипоте-

зу — при всех заболеваниях совершенно необходимо корректировать и стимулировать деятельность лимфатической системы человека. Одновременно Левин работал над книгой, подытоживающей все, что было сделано в Обнинске. «Проблемы внутритканевой и лимфососудистой терапии в онкологии». Предисловие — академика АМН СССР Г. А. Зедгенидзе.

Через три года мощный залп изобретений, три зарегистрированных в государственном реестре, особенно важные. Каждое из них — плод коллективного труда. Это уже московские соратники и ученики, работающие в разных больницах и клиниках столицы, будущие диссертанты.

Читаю авторские свидетельства. В одном из них излагается способ удаления токсических продуктов из тканей через лимфатическую систему. В другом — способ стимуляции лимфообразования и лимфооттока, предотвращающий и уменьшающий развитие атеросклеротических бляшек в кровеносных сосудах у людей пожилого возраста. Тут же приводится такой пример. Больной К. 68 лет с атеросклеротической окклюзией левой подвздошной артерии не мог передвигаться. После трехнедельного курса лечения проходил 150 метров без остановки. Число функционирующих капилляров увеличилось. Результат стабилен. Срок пребывания в стационаре ста подобных больных сократился до 18 дней вместо 35—45 при лечении обычным способом.

— Атеросклероз — уплотнение стенок кровеносных сосудов — возникает при нарушении обмена холестерина, — поясняет профессор. — Но существует и совершенно другой вид склеротических изменений, так называемый рассеянный склероз... Это тяжелое хроническое заболевание поражает головной и спинной мозг и периферические нервы. Трудно поддается лечению. Традиционный способ лечения — гормональными препаратами — имеет свои недостатки и приводит к нежелательным последствиям. Наш сотрудник Григорий Георгиевич Самохин к таким больным применил метод лимфотропной терапии. При некоторых формах рассеянного склероза это помогает.

В кабинет профессора вошла худенькая женщина средних лет. Села на предложенный стул, сложила на колени руки.

— Расскажите, Валентина Сергеевна, о себе. Давно болеете?

— С двадцати лет. Я оператором на почте работала. Вдруг стали ноги отказывать, шатать из стороны в сторону. Все хуже и хуже. Перевели на инвалидность. Лечили, но мало помогало. Полегчает, потом опять. Руки стали дрожать, не могла ложку поднести ко рту.

— Встаньте, пожалуйста, дайте ваши руки. Сожмите мою. О-го-го. Крепенько. Вернулись, значит, силенки в ваши пальцы. Как работает желудок? Как сон?

Видно было, что Левин остался доволен. Больная ушла в палату, и беседа наша продолжалась, на сей раз с участием смуглолицего темно-волосого южанина, каковым и оказался Румэн Чилингиров: он ведь болгарин, родился неподалеку от самого веселого и острословного города

на свете — Габрово. Учился во втором Московском медицинском институте, три года отработал в окружной больнице родного Габрово и снова вернулся в Москву: тут у него жена и маленький сын...

В Боткинской больнице Румэну посчастливилось попасть под начало профессора Розанова, а он признанный бог, светило по болезням печени и ее окружения — поджелудочной железы, желчного пузыря. Игорь Борисович Розанов заведовал кафедрой Центрального института усовершенствования врачей, он сын одного из любимых учеников Юдина — Бориса Сергеевича Розанова. Можно лишь удивляться тому, как удивительно переплетаются биографии и судьбы людей.

У И. Б. Розанова особый нюх на молодых, даровитых. Он присматривается к этому вьедливому симпатичному болгарину, который колдует над донорской плазмой — жидкой составной частью крови. Плазму он брал сухую, стандартную в Центре переливания крови и облучал ее ультрафиолетовыми лучами. И тогда оказывалось, что она приобретает при этом необыкновенные свойства, благотворно воздействующие на больные органы, уменьшается, например, желтуха.

Почему? Что здесь происходит?

Как настоящий исследователь, Чилингиров докапывается до причины, ставит опыты на животных, вызывая у них механическую желтуху. Потом, сконструировав специальный аппарат с часовым механизмом, вводит плазму в вену. Дальнейшие исследования под микроскопом показали, что при этом резко увеличивается отток желчных вредных кислот в лимфатическую систему. Под влиянием облучения создаются так называемые лимфатические озера, где скапливаются биологически активные вещества.

Так что же собой представляет эта загадочная для него тогда еще лимфатическая система? Он обращается к научным трудам в этой области. И совершенно, может быть, случайно и неожиданно выходит на профессора Левина. Его «Основы лечебной лимфологии» становятся настольной книгой Чилингирова, а следом за ней и сборники научных статей ряда исследователей и хирургов Ташкента, Баку под редакцией того же Ю. М. Левина, труды ростовчан и киевлян. Целинная область медицины открылась в них перед болгарским медиком. И он решается: подает документы на вакантную должность старшего научного сотрудника второго МОЛГМИ имени Н. И. Пирогова.

Руководитель Научно-исследовательской лаборатории лимфологии профессор Левин принимает его с распростертыми объятиями. Уже был наслышан о нем, о его облученной плазме, за которую Чилингиров получил авторское свидетельство на изобретение. Эту плазму он успешно применяет не только для лечения тяжелых воспалительных процессов печени, но и почек, когда классические методы бессильны и грозит почечная недостаточность.

Однажды поздний телефонный звонок нарушил обычный жизненный ритм. Звонили из Мурманска. Требовалась немедленная помощь.

В бассейновой, это значит, обслуживающей моряков, больнице умирает молоденькая девушка. Использованы все средства... Чилингилов не раздумывал. Во Внуково уже ждал самолет санитарной авиации.

Да, положение больной действительно было критическим. К нейродермиту, спровоцированному стрессовой ситуацией — родители восстали против раннего замужества дочери, — присоединилась стафилококковая инфекция. Гнойные воспалительные очаги. Наконец, воспаление легких... начался сепсис...

Картина Чилингилову была ясна. Он решил применить способ, скрупулезно отработанный им в эксперименте под руководством Левина совместно с младшим научным сотрудником лаборатории Рауфом Мурадовым. Препарат, в общем, обычный, но вводил он его собственноручно в паховый лимфатический узел, и именно поэтому его фармакинетику, то есть характер воздействия, совершенно менялась.

Трое суток Чилингилов не выходил из реанимационной. На четвертые сутки больная смогла сесть сама. На пятые стала подниматься и даже сделала несколько шагов... Жизнь ее была спасена!

Способ, примененный консультантом, отделение мурманской больницы немедленно взяло на вооружение. Это позволило ее коллективу резко сократить и упростить процесс лечения. Экономический эффект при этом, за счет сокращения времени пребывания в больнице, составил около ста тысяч рублей.

— Мое сокровенное желание, — говорит Румэн Чилингилов, — распространить наши достижения в Болгарии. Там методы практической лимфологии еще не применяются. Прошлым летом, будучи в Габрово, я знакомил с ними молодого хирурга урологического отделения. Что же касается моих творческих планов, то мы заняты сейчас проблемой атеросклероза. Получены прекрасные результаты при хронической артериальной недостаточности нижних конечностей. Эту тему мы разрабатываем совместно с кардиоцентром по программе Минздрава СССР. В общем, я влюблен в свою работу.

— Талантливый человек, — сказал мне Левин о Чилингилове, когда тот вышел, — если бы встал вдруг вопрос о том, кому доверить руководство Центром, я не задумываясь, передал бы бразды ему...

Диплом под № 8255079 на способ лечения острого инфаркта миокарда. Трудно переоценить его значение. При помощи лекарств, воздействующих на процесс лимфообразования и лимфооттока в сердечной мышце, удается удалять из нее некротические продукты, снимать отек. А это значит, уменьшить очаг инфаркта, уменьшить проявления сердечной недостаточности. В связи с этим очень ценным было высказывание профессора В. Н. Орлова, заведовавшего до конца дней своих кафедрой Московского медицинского стоматологического института: «Сейчас, когда проанализированы ближайшие и отдаленные результаты более чем у ста больных, — писал он несколько лет назад, — можно

с уверенностью сказать, что способ эффективен, особенно если его использовать в первые часы после сердечной катастрофы».

— У вас, Юрий Маркович, самого был инфаркт. Не испытывали ли свой метод на себе?

— Конечно, применял, и не один раз. Вот и недавно, почувствовав подозрительные, так называемые за грудиные боли, сам себе устроил «промывание сердца». Лимфа унесла накопившиеся в сердечной мышце «шлаки». Боли прошли.

— Очень интересно. В чем же состояла эта процедура? Она, вероятно, очень сложная, болезненная?

— Не большее укола в мышцу руки или другое место. Сейчас мы применяем для этого не маннитол, как раньше, о котором говорится в изобретении, а противолимфосвертывающие средства, которые усиливают отток лимфы. Как видите, процедура несложная. Иногда использую ее для профилактики. Она же совершенно безвредная. В этом особенность лимфотерапии.

Тут я позволю себе небольшое отступление. Действие авторского свидетельства вступило в силу в январе 1981 года. В том же году на профессорском столе уже лежала готовая к отправке в издательство толстенная рукопись под его редакцией. «Первое, — как отозвался о ней рецензент, профессор Центрального института усовершенствования врачей Ю. Е. Выренков, он теоретик, патологоанатом, изучает строение лимфатической системы, ее физиологию, — в отечественной и зарубежной литературе монографическое исследование, посвященное разработке клинических методов воздействия на тканевый транспорт и лимфатический дренаж тканей с целью лечения тяжелых заболеваний человека... Сформулирован новый принцип терапии. Монография знаменует создание нового медицинского направления — межклинической лимфологии». Однако позднее — об этом речь впереди — Выренков «забывает» о своем столь лестном мнении.

Большой авторский коллектив писал эту книгу. 27 человек. В их числе известные ученые и хирурги: Г. А. Зедгенидзе, В. С. Савельев, В. М. Буянов, Е. А. Лужников, Я. Д. Мамедов, А. Ф. Цыб, В. В. Кунгурцев, А. Е. Сорокатый... Москва, Чита, Баку, Ташкент, Киев... Вот как широко, кругами, расходилась по стране развивающаяся практическая, лечебная лимфология.

Знакомясь с содержанием книги, я обратила внимание на одну главу — «Гуморальный транспорт и система свертывания и фибринолиза». Другими словами, перемещение различных жидкостей, циркулирующих меж клетками, по капиллярам и сосудам, приносящих питательные вещества и уносящих отработанные, как говорит Левин, шлаки, и процессы свертывания и растворения (фибринолиз), которым в этом движении принадлежит особая роль. В той главе как раз и содержится эмбрион, зародыш малоизученной проблемы, которая и приведет Левина и его единомышленников несколько лет спустя к открытию.

— Ну-с,— продолжал профессор,— а не показать ли вам еще одного пациента? К нему придется поехать...

...На подрамнике — освещенная зеленоватым сиянием во весь свой рост нагая, с распущенными волосами и бесовским выражением глаз Маргарита. Вот-вот схватит метлу и полетит...

Иллюстрации к произведениям Булгакова — любимая тема художника И. К. Справа портрет писателя.

Но не из-за картин привез нас сюда профессор.

Художник до колен закатывает штанину. На голени рубцы, следы операций. В детстве была межмышечная флегмона. В школу ходил на костылях. Потом начался остеомиелит, воспаление кости. Делали операции, советовали переменить климат. Переехал из Сибири в Москву. Но при первой же простуде или нечаянном падении — рецидив. Вот и тут предложили оперироваться... в 17-й раз! И вдруг неожиданная встреча на московской улице с Юрием Марковичем, которого знал по кемеровскому институту, где одно время работал. Левин посмотрел и сказал: «Я тебя вылечу», и назначил шесть уколов.

Спрашиваю, каких? «Дело не в препарате, он обычный,— поясняет профессор,— а в том, как он вводится». И приводит такой обыденный пример: лечить надо не сам нарыв, а то, что вокруг него, чтобы прекратить распространение микробных клеток. Так и тут. Лекарство в область голени, на бедро давящая повязка, которая повышает венозное давление и концентрацию препарата в лимфе.

Левин посмотрел на часы: «Простите, вынужден вас покинуть, должен читать лекцию по лимфологии»...

— Вот так всегда,— вздохнул художник.— Тяжкую ношу взвалил на плечи, себя не щадит наш добрый доктор Айболит, так я его про себя называю. Никому не отказывает. Жену,— собеседник упомянул фамилию известного поэта,— спас, плохи были у нее дела. Валю Никулина из инфаркта вытащил своим методом. Какого Никулина? Из театра «Современник». Потом мы его самого «вытаскивали» из инфаркта. Он лежал в Боткинской больнице. Пришли с Валей, с записанными на магнитофон частушками.

Мой друг идеи создает,
Взамен не требуя награды.
А кто-то те идеи жрет...

— Что вы имели в виду? Когда это было?

— Зимой, конец восемьдесят третьего. А до того он бился за восстановление своей группы по лимфологии, своей лаборатории, которую ликвидировали вдруг...

Я невольно сопоставила: 1964-й, 1973-й, 1983-й. Так можно и фаталистом стать! Не многовато ли инфарктов для одного? Первых два спровоцировали безнаказанная клевета и жестокая несправедливость. А тут?

Почему закрывали его группу? Может быть, из-за отсутствия к ней интереса?

Наоборот! За советом и по обмену опытом — связи все ширились — приходили и приезжали из других городов лечащие врачи. Левин устраивал занятия. Ему присылали результаты исследований, статьи и монографии на заключение, приходили больные, атакывали аспиранты. А тут еще Центральный Совет ВОИР — тут тоже работать надо. И, конечно, продолжение опытов на животных, в частности на стыке лимфологии и иммунологии. Работы было невпроворот.

И вдруг из-под ног выбита почва! Забрали всех сотрудников. Левин оказался в положении несостоятельного кредитора. Банкротство. Остался один, даже лаборантку куда-то перевели. Правда, на сей раз его ни в чем не обвиняли, комиссий и расследований не было... просто-напросто для чьей-то другой инициативы в институте понадобились штатные единицы и проявилась авторитарность.

Едва успел оправиться от потрясения и восстановить не только группу по лимфологии, целую лабораторию (а сколько для этого понадобилось сил!), как его снова обошли, подставили подножку, и кто же? Собратья по оружию.

Шло выдвижение работ на соискание Государственной премии СССР. В опубликованном списке была представлена группа лимфологов, вторым стоял профессор Ю. Е. Выренков, тот самый, который так восторженно отзывался о монографии под редакцией Левина. Но не было в том списке ни профессора Левина, ни его соратников, бакинского профессора Я. Д. Мамедова, однофамильца Алика, ни ростовского профессора А. К. Панкова, которые так активно прокладывали лимфологию дорогу в клинику. Академик Г. А. Зедгенидзе выразил в газете «Правда» свое глубокое по этому поводу недоумение. Статья возымела действие — рассмотрение работы было отклонено.

...1985-й год, вписанный в историю решениями апрельского пленума партии. Тот год оказался необыкновенно удачным и для клинической лимфологии. В октябре в Подольске открылась по этим вопросам первая Всесоюзная конференция, ей посвященная. Всем заинтересованным были разосланы приглашения, в том числе и «оппозиционерам» из той группы Выренкова. Было представлено около трехсот докладов по экспериментальной, диагностической и лечебной лимфологии.

Листаю толстую, семнадцать печатных листов, книгу, составленную только из тезисов докладов. Мелькают названия городов России, Украины, Белоруссии, Кавказа, Прибалтики, Средней Азии, клиник и больниц вплоть до районной и сельской. В Фергане процедуру лимфотропного введения антибиотиков при гнойно-воспалительных процессах настолько упростили, что ее стали выполнять медсестры, уменьшился расход лекарств, сократилось время пребывания в стационаре. Ростовчане делятся своим опытом по эндолимфатической полихимиотерапии при лечении, в частности, меланомы кожи. Появились реальные возможно-

сти продления жизни больных от трех до пяти лет. Кандидат медицинских наук А. Е. Кудрявцев рассказывает о проведенной совместно с Левиным работе по борьбе с гнойными менингоэнцефалитами пневмококковой этиологии, а другой москвич, доктор медицинских наук В. В. Кунгурцев, — о весьма успешном лечении по методу Левина больных с гнойными осложнениями после реконструктивных операций на аорте. Облитерирующий эндартериит, туберкулез, даже шизофрения — буквально нет болезней, при которых не была бы эффективной лимфотерапия. И это при полном отсутствии подобных разработок за рубежом! Конференция показала: необходим и как можно быстрее постоянно действующий штаб для развития и еще большего распространения нового приоритетного направления медицины. Пора!

На следующий год Министерство здравоохранения СССР, а следом и Минздрав РСФСР принимают решения о создании союзного и республиканского центров клинической лимфологии. Естественно, что их душой и организатором стал профессор Левин. Но чуждая перестройке бюрократическая машина по-прежнему продолжала срабатывать. Ученому пришлось два года после открытия Центра обивать пороги разных инстанций, доходил уже до отчаяния, пока наконец в последних числах марта не были утверждены двадцать нужных Центру штатных единиц.

— У нас сегодня праздник! — радостно рокотал в телефонную трубку Левин. — Победа! Победа без боя не дается! Подбираем врачей, лаборантов, санитарок...

Был конец рабочего дня, и Юрий Маркович на радостях предложил продолжить беседу у себя дома.

...По стенам «чучелки-коряжки» собственного изготовления — это его хобби — и полки с книгами.

Я пытаюсь направить наш разговор на тему к истории открытия.

— Никакого озарения, наития откуда-то «свыше», у меня и моих соавторов не было, — сразу же предупреждает он. — Труд и только труд. Опыты и опыты. Годы и годы. Сотни, тысячи экспериментов. Создание моделей болезней на животных. Шок, клиническая смерть, оживление. Десятки диссертантов: Роза Никитина, Тоня Малыгина... Андрей Сорочатый, Александр Кедик. Лаборатория, виварий, больные. Лично я свертываемостью лимфы заинтересовался еще в Обнинске. Изучая под микроскопом циркуляцию лимфы, наблюдал, как в лимфатических сосудах возникают сгустки, этикие комочки, клубки из микроскопических нитей. Наступал момент, когда течение лимфы прекращалось. Будто кто-то повернул невидимый водопроводный краник. А почему? Брали в этом месте в пробирки пробу, изучали ее состав и строение. Теперь для этого существует специальный прибор. Тогда его, в шестьдесят пятом, не было. Этот процесс свертываемости лимфы напоминал свертывание крови и чем-то отличался. В Москве я вплотную занялся исследованием шока. Почему вдруг резко, мгновенно нарушается, падает отток

лимфы от органов? Что тут происходит? Это же совершенно неизученный процесс загадочной лимфы.

Юрий Маркович разлил по чашечкам чай, отпил...

— Гая Винницкая, Леша Алексеев, молодые научные сотрудники лаборатории моей группы до ее расформирования, тоже заинтересовались, увлеклись. Начинаем все сначала, искусственно вызываем у собаки шок. На этом, на другом животном. Пятый, десятый раз. Прихожу к выводу, что у свертываемости лимфы свои законы... они как-то сочетаются со свертываемостью крови, а может быть, они взаимосвязимы. Как бы то ни было, но нужно научиться управлять ими. В 1978 году ко мне из Баку приехал Ягуб Джавадович Мамедов, заведующий кафедрой патологии медицинского института. Темой своей докторской диссертации Ягуб Джавадович избрал свертываемость крови и хотел услышать мое мнение по этому поводу. Я отсоветовал. Эта тема уже достаточно разработана. Б. И. Кузник, заведующий кафедрой нормальной физиологии чингисского института, с сотрудниками и соавторами изучил свертываемость лимфы в эксперименте. Но о профилактике и лечении лимфотромбоза еще никто ничего не знал. Вот если бы он, Мамедов, взялся за лимфу, свертывание лимфы. Какие действуют факторы при лимфотромбозах и лимфостазах, остановке движения лимфы. Как ими управлять? Вот тут целина! Ни в нашей стране, ни за границей исследований не было.

Что-то вспомнив, Левин улыбнулся.

— Защищал свою диссертацию Ягуб Джавадович Мамедов в Университете имени Патриса Лумумбы. Это была первая в мире работа по управлению процессом свертываемости лимфы. Что и говорить, Мамедов поработал на совесть. Но вот какой там разыгрался инцидент. На защиту неожиданно приехал известный академик. В одной из своих работ он исследовал ферменты микроорганизмов, в том числе растворяющие тромбы. Выделил и изучил, в частности, террилитин, препарат грибковой природы, удлиняющий, задерживающий процесс свертываемости крови и лимфы. В своих экспериментах по свертываемости лимфы Мамедов успешно применил этот препарат. И вдруг академик при всех объявляет, что соискатель... присвоил его труд и труд его сотрудников.

Председатель ученого совета профессор Н. А. Фролов прочитал из диссертации то место, где прямо говорилось о том, что данный препарат разработан и изучен академиком, это всем известно, и никто на это не посягал, и спросил: «Вы удовлетворены?» Однако академик продолжал настаивать на своем, угрожать и грубо требовать отмены защиты диссертации. Все были возмущены, и, несмотря на огромный авторитет академика, председатель попросил его удалиться... Ученый совет единогласно проголосовал за диссертацию.

Я вспомнил об этом эпизоде потому, что и сейчас, в наши дни, нередко проявляются в науке амбиции, узурпации, а кое-где и мафиозность. Совсем недавно для врача, особенно если он еще и административ-

тор, требовалось большое мужество, чтобы использовать метод, против которого выступает крупный медицинский чиновник или научный босс. Такое стойкое мужество почти двадцать лет проявлял бывший директор Ростовского НИИ онкологии профессор Александр Каллистратович Панков. Сменил его на этом посту профессор Юрий Сергеевич Сидоренко, последователь и ученик Панкова. Мы можем с ним поговорить.

Левин набирает по коду Ростов, объясняет Сидоренко, в чем дело, передает мне телефонную трубку.

— Мы, клиницисты, располагаем огромным опытом по введению в лимфатическую систему полиохиmioпрепаратов при лечении онкологических заболеваний. Убедились в высокой эффективности этих методов,— у нас около пятидесяти своих изобретений. Располагаем восемью тысячами наблюдений. Каждые семь из десяти наших больных продолжают жить. Есть уникальные результаты: женщины, излеченные от рака матки без предписанного в таких случаях облучения. Они смогли родить здоровых детей. Могу даже назвать истории их болезней: 3486-5; 6495-а; 4726-И. Две из них живут недалеко от Ростова. Приезжают к нам с ребятишками на проверку. В последнее время получили особенно обнадеживающие результаты при лечении рака легкого методом аутолимфохиmioтерапии, которая успешно применяется старшим научным сотрудником Вячеславом Александровичем Нормантовичем. Минздрав РСФСР для распространения нашего опыта одобрил наши методические рекомендации.

— То же самое я могу сказать и о Минздраве СССР,— поддержал ростовского профессора Левин и протянул мне тоненькую книжцу — инструктивное письмо врачам по лимфотропному введению лекарственных препаратов, утвержденное в министерстве Союза.— Хуже с психологической инертностью врачей, которые разучились работать творчески, не по инструкции. И еще. Практическая лимфология, пройдя огонь, воды и медные трубы становления, оказалась лакомым кусочком для научного гангстеризма. Обидно видеть, как «ученые», которых ты вовлекал в эту проблему, обучал методам, забывают об этом...

К печати готовилась книга «Лимфостимуляция». Когда она уже была набрана, обнаружилось, что авторы «забыли» упомянуть того, кто совсем недавно впервые предложил и изучил эффективное воздействие этого метода для лечения больных в экстремальном состоянии, защищенное авторским свидетельством под номером 452343, выданным Ю. М. Левину. Издательство отозвало из типографии верстку и предложило профессору И. В. Яреме сделать соответствующую ссылку.

— А как со свертываемостью лимфы?

— В объединенных разработках с академиком АМН СССР О. К. Гавриловым, профессорами Б. И. Кузником и Я. Д. Мамедовым мы пришли к выводу, что свертываемость, свойственная не только крови и лимфе, а всем жидким средам нашего организма,— выполняет задачу, которая не была известна науке: она регулирует ни на секунду не пре-

кращающийся кругооборот жидкости в теле человека и животных: из крови в ткани, из ткани в клетки и лимфу, из лимфы снова в кровь. И так от рождения до смерти. Но еще важнее, что, воздействуя на свертываемость, можно делать то, чего еще никто, нигде и никогда не делал: управлять транспортом жидкости во всех звеньях ее продвижения. Это дает уже и еще даст новые возможности для лечения многих заболеваний. Ведь мы на три четверти состоим из воды, и любой тяжелый недуг нарушает ее транспорт.

— То есть налицо установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений, что по советскому законодательству охраняется законом...

— Вот мы и оформили материалы на открытие.

По приглашению ЦК профсоюза медицинских работников Венгрии профессора Левин и Кунгурцев были в Будапеште, провели в институтах онкологии и гематологии школу по внедрению своих разработок. Договорились о том, что переведут для них на венгерский язык инструктивное письмо по средствам и методам практической лимфологии, интерес к которой у венгерских медиков очень велик, намерены перенять опыт.

Потом была Гавана — передача опыта кубинским хирургам.

Потом переиздание книги по практической лимфологии в СССР, переговоры с английской фирмой «Вилькам» о создании новых лимфотропных препаратов.

Установлены постоянные связи с доктором медицинских наук Сутедзиро Абе, главным врачом больницы в городе Хоккайдо (Япония). Ю. М. Левин посылает ему свои труды. «Получил вашу работу. Очень благодарен. Надеюсь на дальнейший обмен и дружбу, — пишет Сутедзиро, — еще раз хочу поблагодарить за вашу помощь».

...Почти сорок лет назад выдающийся советский хирург Сергей Сергеевич Юдин, рекомендуя юношу, так о нем писал: «...Широкая эрудиция, честность, внимательное отношение к больному человеку, умение целиком отдаться своему делу вплоть до самоотверженности... — стиль работы этого глубокоуважаемого мной молодого человека».

Ныне «молодой» человек разменял недавно свой седьмой десяток, но стиль его работы, как видим, остался прежним, юношеским...

СОДЕРЖАНИЕ

Правда о профессоре Юдине	3
Дорога к открытию	33

КУЛИКОВСКАЯ Галина Владимировна

ПРАВДА О ПРОФЕССОРЕ ЮДИНЕ

Очерки

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 28.11.89. Подписано к печати 1 02.90. А 00224. Формат 70 × 108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,24. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1588. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

● ЕСЛИ ВЫ СМЕНИЛИ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА...

...не торопитесь получить деньги со своего счета!

Вы можете дать поручение перевести весь вклад или его часть в любое учреждение Сберегательного банка СССР для зачисления на счет по вкладу или для выплаты переведенной суммы.

Можно получить вклад до поступления перевода на основании телеграфного подтверждения, а также затребовать перевод вклада по телеграфу.

Вкладчикам предоставлены большие льготы при переводе вкладов. Если вкладчик переводит на свое имя вклад, хранившийся в Сберегательном банке СССР не менее трех месяцев или же в пределах одного административного района (города), то такой перевод осуществляется бесплатно.

Если вкладчик вносит наличные деньги и предъявляет для записи приходной операции сберегательную книжку, выданную другим учреждением Сберегательного банка СССР, то перевод принятой суммы в банк, где находится счет по вкладу, тоже будет выполнен бесплатно.

● СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР К ВАШИМ УСЛУГАМ!